

СМЕНА

№ 14 июль 1977

**МЫ
ГОРДЫ
ОТЕЧЕСТВОМ
СВОИМ!**

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР
ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРОЕКТУ КОНСТИТУЦИИ СССР

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

ДЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ

Все советские люди горячо и заинтересованно обсуждают проект новой Конституции нашего государства, отмечающего в этом году свой 60-летний юбилей. За это время мы обогатили человеческую историю великими открытиями и достижениями, главное из которых — создание государства нового типа — социалистического общенародного государства. Совершенствовался и сам советский человек, явивший всему миру образцы самоотверженности, преданности идею, духовной чистоты и честности. Человек, в своем извечном стремлении к миру, разуму и свету шагающий по ступеням истории все вперед и выше. Эти слова А. М. Горького — вперед и выше! — стали формулой жизни и деятельности каждого гражданина нашей страны.

Читая проект Конституции СССР, представленный партией на всенародное обсуждение, мы все, конечно, замечаем, что в нем по сравнению с Конституцией СССР 1936 года много существенных изменений. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отметил, выступая на майском Пленуме ЦК партии, что «...главное направление того нового, что содержит проект, — это расширение и углубление социалистической демократии».

Хочу напомнить читателям «Смены», что слово «демократия» в переводе с древнегреческого означает «народовластие». И это подлинное народовластие стало объективной закономерностью нашего социалистического общества. У нас в стране нет антагонистических классов, которые хотели бы «поделить власть», постепенно стираются существенные различия между основными социальными группами, теснее сближаются все нации и народности, населяющие нашу необъятную страну.

В статье 2 проекта Конституции СССР записано, что «народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР». Это значит, что депутаты Советов — от Верховного Совета страны до сельского — являются реальными воплотителями власти народа, в условиях социализма получившего возможность распоряжаться своими, как говорил В. И. Ленин, общенародными, государственными делами.

Я с 1975 года являюсь депутатом Верховного Совета Российской Федерации. Депутат я и по возрасту и по стажу молодой. Кстати, отмечу, что в Верховном Совете РСФСР каждый пятый депутат не переступил еще порога 30-летия. На сессиях мы участвуем в обсуждении законопроектов, а в перерывах между сессиями нам приходится решать сложные, подчас запутанные житейские или производственные проблемы. И если мне удастся помочь моим избирателям, выполнить тот или иной их наказ, то тут прежде всего сказывается авторитет, которым пользуются депутаты в государственных, хозяйственных и общественных органах страны. Приведу совсем свежий пример из своей депутатской практики.

Юго-Восточная железная дорога, проходящая через нашу Воронежскую область, а также через такие важнейшие промышленные центры, как Липецкая Магнитка и КМА, одна из старейших

железных дорог страны. Долгие годы напряженной эксплуатации потребовали ее реконструкции и технического перевооружения. С этим вопросом мне и было поручено выступить на последней, 4-й сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва. В своем выступлении, обращенном непосредственно к Госплану СССР, правительству Российской Федерации и союзному Министерству путей сообщения, я привел такой факт. Мы, шинники, выпускаем продукцию, необходимую многим отраслям народного хозяйства. С каждым годом мы увеличиваем производство большегрузных шин и сможем сделать еще больше, если нам не будут мешать отдельные, не зависящие от нас причины. А дело в том, что наша готовая продукция вместо незамедлительной отправки потребителям месяцами лежит на заводском складе, а то и прямо в проходах цехов. И все это потому, что мощности вагонного парка Юго-Восточной дороги давно уже уступают темпам роста производства промышленной продукции области. Таким образом, вопрос о развитии и техническом оснащении дороги является государственно важным делом, не терпящим отлагательств.

Через некоторое время я получил из Госплана СССР ответ на свое выступление на сессии. В нем говорилось о конкретных мерах, которые будут приняты до конца десятой пятилетки в деле реконструкции дороги, для чего Госплан выделил дополнительно 10 миллионов рублей. В частности, намечено реконструировать несколько станций, построить новые локомотивное депо и мосто-

вой переход через Дон, осуществить другие работы по увеличению пропускной способности дороги в целом.

Сегодня те пассажиры, которые поедут по нашей дороге, смогут сами убедиться, что некоторые из этих планов уже претворяются в жизнь.

Вот такими повседневными, большими и малыми заботами о том, чтобы лучше жилось и работалось нашим людям, и живет каждый депутат. Два года я представляю жителей Левобережного и Железнодорожного районов Воронежа в высшем законодательном органе России. Два года — это десятки депутатских приемов, сотни посетителей, столько же вопросов и проблем. Все это и есть моя будничная работа, работа народного избранника, которому доверена высокая миссия управлять нашей огромной великой страной. А ведь, собственно, кто я такой? Простой рабочий. И биография у меня самая что ни на есть обычная: родился в семье простых сельских тружеников. Разве мыслимо в капиталистическом мире, чтобы рабочий влиял на отрасль, в которой он даже не работает, вмешивался в дела центральных плановых органов? В том-то и дело, что только Советская власть, только наше социалистическое государство открыли трудящимся путь к подлинному управлению делами всего общества.

И поэтому я, как и все мои товарищи по труду, с чувством огромного удовлетворения одобряю проект новой Консти-

туции СССР, Основного Закона, по которому наше государство будет жить и развиваться, идя с каждым днем все вперед и выше.

Николай БОГАТЫРЕВ,
сборщик автопокрышек ордена Ленина
Воронежского шинного завода,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета РСФСР,
член Президиума
Верховного Совета РСФСР,
делегат XXV съезда КПСС

КОМЕТА ИМЕНИ ЖЕНИ РУДНЕВОЙ

Мои молодые друзья, читатели «Смены»! Хочу быть полезной, поделившись собственным опытом с вами. Хочу, чтобы вы, взяв из наследия старших их революционную убежденность и самоотверженную страстность, могли бы встать вровень с теми, кто шел на смерть ради жизни на земле, и в сегодняшних условиях, так же, как некогда они, служили социалистическому Отечеству. «Защита социалистического Отечества есть важнейшая функция государства, дело всего народа» — это один из основных законов нашей Конституции.

Недавно новую комету назвали име-

Газета основана
5 мая 1912 года
В. И. ЛЕНИНЫМ

Коммунистическая партия Советского Союза
ПРАВДА
Орган Центрального Комитета
Суббота, 4 июня 1977 года

Проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик, представленный Президиумом Верховного Совета СССР для вынесения на всенародное обсуждение

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершившая рабочий и крестьянский переворот в России, свергла власть капиталистов и помещиков, разоблачила угнетения и создала Советское государство — государство социализма и защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма.

Советская власть осуществила глубочайшее социальное-экономические преобразования, навсегда покорила эксплуатацию человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой, утвердила общественную собственность на средства производства, подлинную демократию для трудящихся масс. Впервые в истории человечества было создано социалистическое общество.

Ирким произведением силы социализма стал несмеркающий позыв советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне. Эта победа укрепила международные позиции социализма, его благополучные возможности для роста сил социализма, для победы над фашистским и империалистическим лагерем, для обеспечения мира и демократии в мире.

Советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер борьбе за победу коммунизма.

Статья 7. Профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, кооперативные и другие массовые общественные организации в соответствии со своими уставными задачами участвуют в осуществлении государственной и общественной делами, в решении политических, культурных и социально-культурных вопросов.

Статья 8. Основным направлением развития политического, экономического и социального строительства социалистического общества является дальнейшее развитие государственного аппарата, участие трудящихся в управлении народным хозяйством и государством, совершенствование государственного аппарата, участие общественно-политических организаций, участие народного контроля в осуществлении общественной и общественной жизни, обеспечение прозрачности, подлинной демократии и общественной ответственности.

Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Статья 9. Основу экономической системы СССР составляет общественная собственность на средства производства (государственная и общенародная).

нем Жени Рудневой — летчицы, получившей посмертно звание Героя Советского Союза. Слушая последние известия, я плакала, вспоминая ту страшную ночь, когда Женя Руднева и Паша Прокофьева сгорели вместе со своим «ПО-2» прямо на моих глазах. Женя Руднева учила меня штурманской науке. Помню, она принимала у меня экзамены, необычные экзамены. Они длились восемь дней по 3—4 часа. Это были совместные решения задач, доброжелательный опрос, объяснения и снова опрос... И когда я уже летала на задания, Женя часто подходила к нашему самолету и придирчиво, требовательно проверяла мою готовность к боевому полету.

И в ту апрельскую ночь она тоже проверяла: цель у Керчи была тяжелой. Били зенитки и пулеметы всех калибров, рыскали прожектора и истребители. Женя не должна была лететь, но в полночь она высадилась из кабины Лиду Целовальникову, сказав: «Слетаю сама. Посмотрю, как новые летчицы управляют в обстреле». Лида недовольно уступила штурманскую кабину, ничего не ответив: со штурманом полка спорить нельзя — начальник.

Мы с Ниной Ульяненко (ныне Герой Советского Союза) вылетали следом. Я увидела, как вспыхнул впереди нас, под Керчью, самолет. Пржектора вели его к земле, не выпуская из своих щупальцев. Из кабины штурмана стали вылетать ракеты. Красные... Белые... Зеленые... То ли от нестерпимого жара рвались они, то ли последний привет посыпала штурман полка Женя Руднева вслед идущим экипажам. Кто знает? Радио на самолетах не было. Парашютов тоже.

Ни заплакать, ни закричать, ни вернуться назад... Надо выполнять боевое задание, идти в огонь, туда, где только

что сгорели твои подруги, а ты не могла помочь.

С тех пор я поклялась, что впредь, если останусь жива, всегда и во всем буду помогать людям.

Звезда имени Жени Рудневой... До сих пор я слышу ее нежный голос... Она часто рассказывала о тайнах Вселенной, о звездах — мечтала стать астрономом... Ее жизнь оборвалась на 645-м боевом вылете, а мечту подхватили другие. Я благодарна Жене Рудневой, как и другим штурманам, летчицам и механикам, благодаря которым я сделала 600 боевых вылетов и осталась живой.

Уходят годы. Все чаще оглядываюсь назад: какие они, минувшие годы? Без лукавства могу сказать: счастливые, несмотря ни на какие невзгоды. В чем оно, мое счастье? Оно в том, что у меня много друзей. Из боев мы вынесли твердое убеждение, что жизнь счастливо открывается только тем, кто живет на предельной отдаче отпущенных ему добрых человеческих качеств, и что только так и стоит жить на земле: на пределе, не половина ни любви, ни ненависти, ни правды, ни чести.

После войны я закончила Военный институт иностранных языков (испанский, английский языки), служила в армии до декабря 1955 года. Работала преподавателем до 1970 года, потом (вдруг!) — инвалид войны II группы (старые контузии и пр.). Институт, студентом пришлось с болью оставить. А что делать? Уйти в болезнь? Чужь! Написала книжку «Звезды на крыльях», печаталась в журналах «Волга», «Нева», в газете «Правда», в отдельных сборниках; сотрудничаю вот уже лет пять в областной комсомольской газете «Заря молодежи». А еще — лектор об-

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ТОВАРИЩ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ.

Постановление Верховного Совета СССР

Об избрании товарища Брежнева Л. И. Председателем Президиума Верховного Совета СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Избрать товарища Брежнева Леонида Ильича Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР
С. НИЯЗБЕКОВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль, 16 июня 1977 г.

...няйтесь!
О Ю З О

А
КПСС
Цена 3 коп.

...авленный Конституционной комиссией
...ения на всенародное обсуждение

У Ц И Я
А К О Н
ЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

...тер его
...коммунистические
...в управ
...ических,
...ны советской
...асмо
...общественности
...укреп
...расширение

...социалистическая
...собственность
...ности

Статья 20. В соответствии с коммунистическим идеалом: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для развития и применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности.

Статья 21. Государство заботится об улучшении условий труда, о сокращении и в дальнейшем в полном вытеснении тяжелого ручного труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства.

Статья 22. В СССР последовательно претворяется в жизнь программа преобразования сельскохозяйственного труда в разнородность видустраиваемого, культурного, образовательного, бытового обслуживания, торговли в коммунального хозяйства в сельской местности сети учреждений народного образования, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания, торговли в коммунального хозяйства, преобразования сел и деревень в благоустроенные поселки.

Статья 23. Государство неуклонно осуществляет курс на повышение уровня оплаты труда, реальных доходов трудящихся в соответствии с ростом производительности труда.

В целях более полного удовлетворения потребностей членов общества создаются общественные фонды потребления. Государство при широком участии общественных организаций и трудовых коллективов обеспечивает рост и справедливое распределение этих фондов.

Статья 24. В СССР действуют и развиваются государственные системы здравоохранения, социального обеспечения, бытового обслуживания, общественного питания и коммунального хозяйства.

Государство поощряет деятельность кооперативных и других общественных организаций, способствующих развитию производительных сил и развитию мо-

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

ластной организации общества «Знание». Исколесила всю страну. Две дочери: Наталья, закончив Саратовскую консерваторию, уехала в Южно-Сахалинск, Марина на III курсе СГУ, геоморфолог, кандидат в мастера спорта по фехтованию. Я работаю много, чтобы успеть передать молодежи все, чем я владею...

Когда я читаю строки в проекте Конституции, я знаю, что они рождены подвигом и Жени Рудневой и моих боевых товарищей: «Ярким проявлением силы социализма стал немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне».

Ольга ГОЛУБЕВА,
бывший штурман 46-го гвардейского
ордена Красного Знамени
и Суворова III степени
Таманского ночных бомбардировщиков
женского авиаполка.
Член КПСС. Капитан запаса,
имею 16 правительственных наград

г. Саратов.

ВЕРНУТЬ СТОРИЦЕЙ

Помню, как шесть лет назад впервые переступил порог проходной.

— Пройди по цехам, осмотришь, где больше понравится, туда и направим,—предложили в отделе кадров.

Завод поразил меня размахом корпусов, гулом неведомых механизмов. Наверное, со стороны забавно выглядел новичок, с опаской пробирающийся меж станков... Здорово растерялся тогда я, деревенский парень, у которого за плечами всего-то десятилетка да армейская служба. Я ведь до этого только один токарный станок в своей жизни видел, и тот маленький, в старых мастерских. А здесь иду по цехам, и глаза разбегаются: токарные, карусельные, фрезерные, строгальные... (Названия-то я позже узнал.) Короче, не смог ничего

сам решить, вернулся в отдел кадров и говорю: направляйте, мол, куда нужнее. Так и стал строгальщиком.

Если подытожить, чего удалось достичь за эти шесть лет, окажется, что всем я обязан заводу. Завод дал мне хорошую специальность. Завод обеспечил жильем. Завод помогал учиться: пока я был учащимся станкостроительного техникума, выходил на работу в удобную для себя смену.

Товарищи приняли меня в партию, дали первое партийное поручение—сейчас я занимаюсь культурно-массовой и воспитательной работой в общежитии.

Завод представил меня на соискание премии Ленинского комсомола за успехи в социалистическом соревновании. Прошедшей весной в один и тот же день получил я два самых дорогих мне документа, первый итог работы и учебы: диплом лауреата и диплом с отличием об окончании техникума. Я храню эти дипломы вместе с еще одним памятным документом: фотографией, сделанной в Кремле, когда собрались там, в Георгиевском зале, победители первого этапа соревнования в честь 60-летия Октября.

Таким образом, вся моя короткая пока биография как бы иллюстрирует строки из проекта Конституции о праве на труд и выбор профессии, образование, жилище. Но самое важное, что биография моя не какое-то исключение. В судьбе многих моих сверстников, тех же соседей по общежитию, есть удивительно много общего...

Наш завод выпускает станки и автоматические линии—продукцию, без которой немислима ни одна отрасль промышленности. Все заинтересованы в том, чтобы наши станки были высокого качества, отвечали всем современным требованиям. В проекте Конституции говорится, что рост производительности труда, повышение эффективности и качества должны опираться на творческую активность трудящихся, социалистическое соревнование, достижения научно-технического прогресса. За последнее время на заводе произошли большие перемены: реконструированы

многие цехи, установлено современное оборудование. Технический прогресс на нашем предприятии позволяет выпускать все более совершенные механизмы, а значит, способствует также прогрессу на других заводах, потребителях нашей продукции.

До сих пор я больше брал у завода, чем отдавал. Настало время энергичнее возвращать полученные здесь знания, опыт. И теперь «взносом» моим будет досрочное выполнение плана двух лет пятилетки к 60-летию Октября.

В юбилейный год соревнование на заводе развернулось с особой силой. Комсомольцы завода выступили с почином—выполнить задание 60 недель за 50, молодежь взяла шефство над досрочным выпуском одиннадцати шлифовальных станков. Такими делами мы отвечаем на записанное в Конституции право на труд, право на творчество.

Вячеслав ТЕПЛОВ,
строгальщик Московского завода
автоматических линий
имени 50-летия СССР,
лауреат премии Ленинского комсомола

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Приехал я в Казахстан в числе первых целинников. Доводилось и за рычагами трактора сидеть и комбайном управлять, но вот уже двадцать лет я работаю на стройках. Строитель—должность и почетная и хлопотная. Тем более, что объекты наши разбросаны по всей области. И не на каждом еще объекте есть у нас столовые и буфеты. Вот и получается, что иной раз и не пообедаешь вовремя или перехватишь, как говорится, что-нибудь на ходу. Но на здоровье свое я никогда не жаловался и поэтому удивился, когда на очередном медицинском обследовании (они у нас проводятся регулярно) врачи обнаружили у меня язву желудка. Была она, наверное, в начальной стадии развития и особенно не докучала, поэтому я советы медиков, что называется, «прослушал». Но это я

пренебрег своим здоровьем, а не врачи. Уже через неделю зашла ко мне домой медсестра из поликлиники, сообщила, что я поставлен на учет, и пригласила зайти к ним на следующий день. А я закурился на работе—мы как раз очередной объект к сдаче готовили—и не пошел. Вызывает меня начальник участка: «Тебе, Николай, может, и наплевать на свое здоровье, а нам—нет. Соберись и немедленно мчись в поликлинику».

Так начал я курс лечения. Потом дали мне соцстраховскую путевку в санаторий на кавказские Минеральные Воды. Вместе со мной там отдыхали и лечились шахтеры из Караганды и нефтяники из Тюмени, рыбаки из Приморья и колхозники из Белоруссии...

Моя история болезни может кому-то показаться частным случаем: все мы давно привыкли к бесплатной медицинской помощи и к тому, что на страже нашего здоровья постоянно стоят люди в белых халатах. Но ведь история моя вовсе не случайна, в ней читается одно из главных прав советского человека: право на охрану здоровья. Моя история—отражение нашей советской действительности, нашего образа жизни.

Помню, в санатории каждый из нас (так всегда бывает, когда собираются люди из разных мест) хвастался своим городом, заводом, природой... Говорили мы и о профилакториях. У многих предприятий такие санатории-профилактории выглядят настоящими дворцами, в которых можно после рабочего дня хорошо отдохнуть, пройти курс лечения. Я тогда не мог похвастаться таким профилакторием, а теперь хочу сообщить моим друзьям из разных городов страны, что и у нас недавно стал действовать рабочий санаторий. Расположен он в прекрасном месте на берегу реки Урал.

Путевка туда стоит всего 12 рублей в месяц. Это вместе с питанием, обслуживанием, лекарствами и так далее. Конечно, лектарская стоимость такой путевки раз в десять дороже. Это уж как минимум. Но платит за нее не рабочий и служащий, а предприятие.

Я и раньше знал, что болеть в капиталистических странах «накладно», а недавно прочитал, что стоимость одного дня пребывания в больницах США достигла 131 доллара. И это только за койку и питание. Плата за лечение еще выше. Какой контраст с социалистической действительностью! У нас же, кроме средств государственного бюджета, на здравоохранение выделяются средства из фондов предприятий, учреждений, колхозов, совхозов, профсоюзных и

За строкой проекта

ЧТО НОВОГО В ПРОЕКТЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ?

Конституции принято считать долгосрочными. Но вот идет всего лишь 60-й год существования Советского государства, а на всенародное обсуждение вынесен проект уже четвертой по счету Конституции страны. Чем это вызвано?

Ответ в самой общей форме таков: социалистическое общество—динамично развивающийся организм, ему свойственно постоянное совершенствование. В частности, за 40 лет после принятия ныне действующей Конституции СССР в советском обществе произошли столь глубокие изменения, что их настало время обобщить и закрепить в новом Основном Законе страны.

В чем главная суть этих изменений? Во-первых, вместо основ социалистической экономики, заложенных к середине

тридцатых годов, Советский Союз теперь имеет зрелую, высоко технически оснащенную и основанную на безраздельном господстве социалистической собственности систему хозяйства как в городе, так и в деревне. Она сформировалась за последние 40 лет.

Во-вторых, при сохранении ведущей роли рабочего класса в СССР произошел глубокий процесс сближения всех классов и социальных групп, растет социальная однородность общества. Активно идет стирание существенных различий между физическим и умственным трудом, между условиями труда в городе и сельской местности. На базе общих целей и идеалов из более чем ста наций и народностей, населяющих страну, сложилась новая историческая общность людей—советский народ.

В-третьих, советское общество сделало громадный шаг вперед в области культурного развития. Советский Союз давно уже стал страной сплошной грамотности, а две трети занятого населения имеют высшее и среднее образование.

В-четвертых, значительное развитие получила советская социалистическая демократия. Ныне почти каждый взрослый человек в той или иной форме участвует в управлении делами своего государства и

общества. Достаточно сказать, что только в работе Советов принимает участие 2,2 миллиона депутатов и более 30 миллионов внештатных активистов.

Все эти коренные изменения позволили КПСС сделать важнейший теоретический и политический вывод о том, что в Советском Союзе построено развитое социалистическое общество. Государство диктатуры пролетариата, выполнив свою историческую миссию, переросло в общенародное государство трудящихся. Опираясь на достигнутое, оно вплотную приступило к решению задач строительства коммунизма.

Сильно изменилось и международное положение СССР, как, впрочем, и весь социально-политический облик мира. Социализм превратился в мировую систему. На месте бывших колоний возникли десятки молодых суверенных государств. В результате появилась реальная возможность предотвратить новую мировую войну, хотя для этого еще и требуются значительные усилия.

Все эти изменения и задачи, встающие перед советским обществом в новых условиях, как раз и будут зафиксированы в новой Конституции. Ее проект, подготовленный авторитетной комиссией под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, обобщает консти-

туционный опыт советской истории и обогащает этот опыт новым содержанием, отвечающим требованиям современной эпохи. Он опирается на проведенные в последние годы обновление и совершенствование советского законодательства, использует опыт других социалистических стран.

Что главное в том новом, что содержится в проекте Основного Закона? Ответ на этот вопрос дал на состоявшемся 24 мая пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК партии Л. И. Брежнев. «Главное направление того нового, что содержит проект,— отметил он,— это расширение и углубление социалистической демократии». Прежде всего дальнейшее развитие получают демократические принципы формирования и деятельности центральных и местных органов власти—Советов, определяемы пути укрепления их связи с населением. Широко отражена важная роль, которую играют в жизни страны общественные организации и коллективы трудящихся.

Значительно обогащены положения ныне действующей Конституции о правах советских людей, четко определены их обязанности перед обществом. Наряду с провозглашением общего принципа равноправия углублены, развиты и расширены положения о конкретных социально-

других общественных организаций. Ярким проявлением внимания партии и правительства к охране здоровья трудящихся стало направление средств, заработанных на ленинских Всесоюзных субботниках, на строительство медицинских научных и лечебных учреждений.

Ну, а что касается моей болезни — она в прошлом. Меня даже с учета сняли, но я и сейчас нет-нет да зайду в поликлинику, где работают мои новые друзья — добрые люди в белых халатах.

Николай ЖЕЛТЯКОВ,
плотник-бетонщик уральского
управления «Межколхозстрой»

г. Уральск.

ЗОЛОТОМ НАПИСАННЫЕ СТРОКИ

Каждый раз, когда мы идем по главной подземной магистрали Шамлугского рудника — первой капитальной штольне, старые горняки, вспоминая, рассказывают о тех, кто в годы Великой Отечественной войны начинал эту дорогу, пробитую сквозь гранитные недра гор к подземным кладам меди. Первая бригада на проходке штольни была интернациональной. Здесь работали армянин Ованес Гигоян, русский Василий Ряшенцев, греки Нико и Григорий Феофановы, азербайджанец Кблал Гасанов, осетин Иван Джюев.

Сегодня наша горняцкая семья выросла еще больше. В пяти поселках Ахталыских и Шамлугских рудников работают представители десяти национальностей. Интернациональными здесь стали не только бригады, но и целые подземные горизонты.

Семь лет назад пришел на рудник после демобилизации из армии грузин Элгуджа Пайкидзе. Горняцкому делу его научили армянин Апро Папаян, азербайджанец Гусейн Адигязалов, русский Евгений Селиверстов, грек Дмитрий Мимбаширов. А сегодня бригада Пайкидзе — одна из лучших на руднике; случалось не раз уже, что в соревнованиях она побеждала бригаду своего учителя и наставника Апро Папаяна.

Рудники Туманянского района соревнуются с предприятиями Зестафонского района Грузии. Каждый год соперники встречаются для подведения итогов соцсоревнования, и всякий раз эти встречи выливаются в большой

праздник интернациональной дружбы народов-братьев.

Истоки этой дружбы — в солидарности 4000 горняков и медеплавильщиков, которые в 1906 году, в дни августовской стачки алавердских рабочих, под руководством Степана Шаумяна выступили на защиту своих прав, используя опыт революционных выступлений русского пролетариата в первой русской революции 1905 года.

В первые годы Советской власти на рудниках в Алаверди и Шамлуге не было ни одного горного инженера. Братскую руку помощи в те годы подала Москва: Наркомтяжпром направил на Алавердский горно-металлургический комбинат инженеров Константина Бубока и Виктора Богомолова. Возглавив работы, инженеры учили людей горному искусству... Теперь на рудниках работают высококвалифицированные специалисты, выпускники Ереванского политехнического института имени Карла Маркса. За последние годы на рудниках Урала, на курсах повышения квалификации в Свердловске и Ленинграде побывали инженеры и техники Борис Барсегян, Анисим Габанов, Руслан Барсегян, Владимир Вартумян и другие.

Интернациональная дружба в наших горняцких поселках скреплена не только совместной работой, но и кровью, пролитой в годы революции и на фронтах Великой Отечественной войны. Восемьдесят ветеранов Великой Отечественной войны живут сегодня в Шамлуге. Юные следопыты Ленинка помогли ветерану рудника Лазарю Вартумяну отыскать могилу его брата Николая Вартумяна, погибшего в боях за Родину и похороненного на украинской земле.

Бескорыстие, силу и чистоту нашей многонациональной дружбы можно увидеть и почувствовать в каждой бригаде, в каждом доме нашего горняцкого края.

Мы, горняки Шамлугского рудника, подробно, по-хозяйски обсудили каждую статью проекта новой Конституции, потому что знаем: ее законы будут служить нам, советским людям. Мы целиком и полностью одобряем проект, потому что по себе, по собственной судьбе знаем ее справедливость и силу. Для нас, горняков-рабочих, будто золотом написаны эти вот строки:

«СССР олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма».

Андрей ТЕРЯЕВ,
секретарь партбюро
Шамлугского рудника,
Армянская ССР

экономических правах, определяющих статус человеческой личности: о праве на труд, отдых, образование и других. Гораздо полнее, чем прежде, сформулированы политические права и свободы граждан. Одновременно проект содержит юридические и иные гарантии этих прав против каких-либо их нарушений и бюрократических извращений.

В отдельной главе «Социальное развитие и культура» зафиксирована обязанность государства заботиться о развитии образования, науки и искусства, об улучшении условий труда и жизни населения.

Что же касается национального государственного устройства СССР, то в проекте полностью сохранены оправдавшие себя основные черты федеративного характера Советского государства. Уже на протяжении более полувека такое устройство обеспечивает демократическое сочетание интересов всего многомиллионного Союза ССР с интересами каждой из входящих в него республик, динамичный прогресс и неуклонное сближение всех наций и народностей страны.

И, наконец, впервые в советской практике в Конституцию введена специальная глава «Внешняя политика». В ней говорится, что Советский Союз последовательно проводит политику мира, выступает за

упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество. Также впервые включена отдельная глава «Защита социалистического Отечества».

Таковы лишь некоторые положения проекта нового Основного Закона СССР, дающие представление о его содержании. А как юридически будет оформлено принятие Конституции?

Как и во всех подобных случаях, Коммунистическая партия приняла решение обратиться за советом к народу. Проект Конституции вынесен на всенародное обсуждение, а позже с учетом поправок и замечаний он будет представлен на утверждение высшего законодательного органа страны — Верховного Совета СССР.

Новый Основной Закон послужит базой для дальнейшего развития и совершенствования советского законодательства. На его основе впоследствии будут разработаны и утверждены новые Конституции союзных и автономных республик. Он станет сердцевинной Сводо законов Советского государства, который составляет сейчас по инициативе XXV съезда КПСС.

Валерий ТЕЛЕГИН,
обозреватель АПН

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1204) ИЮЛЬ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
МОЛОДЕЖЬ
НА УДАРНОЙ
СТРОЙКЕ.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

Проект Конституции СССР — это грандиозный проект дальнейшей жизни многомиллионного советского народа, первой в мире страны победившего социализма.

В специальном номере «Смены», посвященном проекту Конституции, читатели и авторы размышляют о главных, магистральных путях развития советского общества, о безмерных ценностях социалистического образа жизни.

1 ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР.

Письма читателей из Воронежа, Саратова, Москвы, из Казахстана и Армении.

4 ПРАВО НА ТРУД.

Диалог старшего мастера блока мартеновских печей завода «Запорожсталь» Григория ПОМЕТУНА и бригадира комсомольско-молодежной бригады печи № 12 Леонида АНИСИМОВА «НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ».

8 Поэма Бахтияра ВАГАБЗАДЕ «ВЕРНОСТЬ».

60-летию Великого Октября посвящается.

10 Рассказ Бориса ВАСИЛЕВСКОГО «ДОМ».

12 ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА — СВЯЩЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ. «ПЕРЕХВАТЧИКИ».

Фоторепортаж Яна ВЛАДИНА и Владимира ВАСИЛЬЕВА.

16 ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ.

«ВЫБОР ФОРМУЛЫ». Фотоочерк Юрия ТЁШКИНА и Альберта ЛЕХМУСА.

20 ПРАВО НА ОТДЫХ.

«ВЕЧЕРОМ, ПОСЛЕ ПЯТИ...».

24 ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ.

«ИМЕНЕМ МИЛОСЕРДИЯ». Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1977 г.

Граждане СССР имеют право на труд, то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.

Григорий ПОМЕТУН,
старший мастер
блока мартеновских печей
завода «Запорожсталь»,
Герой Социалистического Труда.

Уроки

НАЧ ВСЕХ

Л. АНИСИМОВ. Григорий Константинович, вы тридцать лет у мартена. Стали получили на своих печках столько, сколько иное солидное государство не выплавляет. Про вас и экономисты и поэты пишут. Слышал, один гость из Грузии, посмотрев на вас в работе, воскликнул: «Раскованный Прометей!» Красиво сказано... А я вот о чем подумал: у нас в цехе что ни сталевар или первый подручный, то ваш ученик, «прометеич», так сказать... Ребята вас «батько» называют. Скольким вы помогли «расковаться», себя найти! И вот хочу спросить: с чего вы начинаете разговор с новичками, как определяете им самое важное, коренное в сталеварском деле?

Г. ПОМЕТУН. И в сталеварском и в любом другом главном, я считаю,— добросовестность, ответственность, дисциплина. Без этого нет работы.

Л. АНИСИМОВ. В каждом-то в каждом... И все-таки у нас в мартеновском положение особое. Если случится, к примеру, придет кто-то, как говорится, не в форме,—с грехом пополам смену, может, он где и отстоит. А у нас? Это же могилу себе рыть. Полезет такой на ковш—разве удержится?

Г. ПОМЕТУН. Ты прав, Леня, у нас распушенность и расхлябанность почти наверняка к большой беде приведут. Но я сейчас не о ЧП—состоявшихся или предотвращенных. О другом говорю. Трудовая дисциплина, то есть точность, аккуратность, требовательность к себе, ответственное отношение к порученному, для любого производства как воздух. А без воздуха живому организму существовать невозможно...

Л. АНИСИМОВ. Я с флота в звании главстаршины демобилизовался. Пока служил, учился и подчиняться и приказывать. Второе куда сложнее и ответственнее. Есть ответственность исполнителя и ответственность руководителя. Как в армии, на флоте, так и на производстве. У нас, случается, печка из-за срывов в снабжении первую декаду «на диете» прозябает, зато в третью мы из нее выжимаем все что можно... Когда забушевала штурмовщина—гибель качества, это очевидно. Но рядом и другая сторона дела: появились прорехи в организации, сбита ритмичность работы—начинает хромать и дисциплина в бригадах.

Г. ПОМЕТУН. Штурмовщина—это нервозность. А нервозность на рабочем месте—злейший враг... Дис-

циплина всегда в «триединстве» существует—трудо-вая, плановая, технологическая. Все звенья между собой неразрывно связаны. И чтобы «триединство» сработало, нужны не крикливые разносы или слащавые апелляции к рабочей совести. В проекте Конституции СССР, который мы все в эти месяцы изучаем и обсуждаем, есть такие очень точные слова: «Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека». Труд—первая жизненная потребность... И чтобы так чувствовал каждый, я подчеркиваю, **каждый**, включаются все моральные и материальные стимулы, все факторы, влияющие на отношение человека к труду. Нужно о нормальной психологической атмосфере в цехе постоянно заботиться, и об уровне руководства ни на момент не забывать, и о рубле помнить, и о квадратных метрах жилья, и о многом другом... Бездумное повиновение—не наш идеал. Сознательная дисциплина—да. Я еще раз процитирую статью 13 проекта Конституции: «Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе». Мне по душе дисциплина, основанная на глубоком и всестороннем понимании этого...

Л. АНИСИМОВ. Когда возникает разговор о дисциплине, приходят в голову наши рекордные плавки. Как четко все тогда работают! Даже тех, кто к ленте склонность имеет, не узнать...

Г. ПОМЕТУН. Рекорды, конечно, каждый день не устанавливаются. Но ведь их смысл не в том, чтобы раз добиться сверхвысокого результата, а потом продолжать работать с прохладцей. «Сегодня рекорд—завтра норма»—мы всегда с таким лозунгом к рекордным плавкам готовились. И технику проверяли и себя: какие еще возможности не использованы? Ты, помнится, еще первым подручным был, когда в цехе провели рекордную плавку в ознаменование 50-летия присвоения комсомолу имени Владимира Ильича Ленина. Сварили скоростным методом за сутки 5654 тонны. Генеральный секретарь Центрального Комитета партии товарищ Брежнев с успехом поздравил, все газеты о рекорде писали. Это было в семьдесят четвертом. А в семьдесят пятом вы, молодые сталевары, в честь 30-летия Победы выдали за сутки уже восемь с половиной тысяч тонн—в три раза больше планового задания! Рекорд—разведка. Убедился, что можно получить стали больше, чем

всегда получал, разберись, почему это удалось. На чем сэкономил время? Извлекай выводы необходимые—и для себя, и для товарищей по цеху, и для побратимов на других заводах... Дисциплина рекорда и дисциплина будней—разве, строго говоря, должна быть между ними какая-то принципиальная разница? Дисциплина—это ведь не подвиг, которым нужно гордиться. Это долг, обязанность.

Л. АНИСИМОВ. Согласен с вами, Григорий Константинович, рекордная плавка—это урок хозяйского, гражданского отношения к работе. Как весь завод готовится к рекордной плавке, как за тебя переживают, какая напряженно-праздничная атмосфера в этот день в цехе! Рекордная плавка посвящается важному, знаменательному событию в жизни страны, и это подчеркивает ответственность каждого перед собой, перед товарищами, которые вместе с тобой встали на вахту. Наконец, ответственность в более широком смысле—перед государством, перед обществом.

Г. ПОМЕТУН. Все так. Но производство—это в основном будни, а не праздники. И, не забывая о воспитательном значении рекордных плавок, нужно ежедневно, кропотливо и методично учить людей дисциплине и ответственности. Приучать ценить каждую минуту, каждую секунду не только в дни рекордов, но и в любую смену. Объявить беспощадную войну халатности и безразличию, небрежности в так называемых мелочах... У нас в цехе висит агитплакат со строчками Маяковского: «Сжимай экономикой каждый пятак, траты учишь стричь,—так хозяйствовать звал Ильич». Каждый пятак... А мы ведь не с пятаками имеем дело. Затянул или загробил плавку, выбил цех из графика—сотни тонн стали не будут отправлены туда, где их ждут, где на них рассчитывают. Какие-то дома не будут в срок достроены, какие-то станки и автомобили не будут выпущены, где-то наступят перебои в производстве. Цена оплошности или небрежности—это не просто неприятная цифра на доске показателей. Каждый ли об этом думает, каждый ли это до конца осознает в обычный день, когда работаем без оркестров и цветов? И как добиться, чтобы каждый думал, каждый осознавал?

Л. АНИСИМОВ. Дисциплина будней... Здесь, конечно, куда больше подводных камней. При рекордных плавках все безотказно действует. А при обычных часто бывает, то шихтовый двор задерживает, то транспортники подвели, то по недосмотру электрика

Это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил общества, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям.

Из проекта Конституции СССР

ЖИЗНИ

Леонид АНИСИМОВ,
бригадир комсомольско-молодежной
бригады печи № 12,
кавалер ордена «Знак Почета»,
лауреат премии
Николая Островского.

АЛЛО НАЧАЛ

в его хозяйстве что-то из строя вышло. Какая тебе радость, что кому-то выговор объявят,—плавку-то тебе сорвали... Иногда и в собственной бригаде случаются «проколы». Тут был случай—ошибся один из моих подручных. Человек, вне всякого сомнения, добросовестный. Но где-то, так сказать, «ремешок подраспустил». Невнимательность... Потом все вместе, а он особенно, мучились, пока доводили плавку. Задержали ее на три часа. Сменщики заправку печи, завалку, заливку чугуна сделать не успели. Мы виновники. Потеряно на двух ваннах около 180 тонн металла. Неприятно об этом вспоминать, но и небесполезно. Поговорили мы тогда о том, что произошло, как следует. Без дипломатии. На том же месте больше не споткнулся, уверен. Всем был урок.

Г. ПОМЕТУН. Ошибка возможна. Непростительно, когда в ней не разобрались, выводов соответствующих не сделали. Плавка на плавку не похожа, так что дисциплина—это еще и постоянная собранность. Расслабишься возле печи—глядишь, уже и не порядок в ковше. Недогреешь металл, «козла дашь»—пристанут ко дну тонна или две. Перегреешь—прокат пойдет рваный... Я уж «двухванку» наизусть знаю, вроде бы все хитрости ее изучил. И все-таки... Каждая плавка—как борщ у хорошей хозяйки: ни переварить, ни пригореть не должен. Прихожу обычно за полчаса до смены, обхожу «дозором» цех, обстановку оцениваю, смотрю, не проглядываются ли где неприятные неожиданности. Это уже в привычку вошло, как утренняя гимнастика...

Л. АНИСИМОВ. Выйти вовремя на смену, быть в хорошей трудовой форме, рабочее место в порядке содержать и так далее—вроде бы прописные истины. Но почему приходится к ним без конца возвращаться? Мне кажется, любая дисциплина начинается с самодисциплины. Дал слово—держи, обещал—выполни. О большом или малом идет речь. Необязательность в пустяках—от нее, по-моему, прямой путь к разгильдяйству и безответственности в самом важном. Потому что общая у них основа—неуважение к людям рядом с тобой.

Г. ПОМЕТУН. Человек не рождается дисциплинированным или недисциплинированным. Он таким становится. И тоже не раз навсегда. Воспитание дисциплины и самодисциплины начинается не в цехе, а гораздо раньше—в детском саду, в семье, в школе, в ПТУ. У нас это воспитание продолжается. К сожалению,

достаточно часто приходится заниматься перевоспитанием. И тут у нас, наставников, терпения должно хватать. В скоропалительности толку мало. Скажем, придет к нам после десятилетки паренек, которого в школе так неразумно, сверх головы перегружали домашними заданиями, что он, не успевая их выполнять, приучился халтурить. Что хорошего, если мы здесь, в цехе, с ходу налепим ему ярлык неисправимого? У каждого новичка до того, как он переступит порог проходной, свой путь, не всегда прямой и ровный. Я повидал на своем веку ребят, которые не только с детской комнатой милиции, но иной раз и с кабинетом следователя знакомство свести успели. А попадали в крепкий, сплоченный коллектив, и как ветром сдувало с них всю ту шелуху, с которой жили.

Л. АНИСИМОВ. Коллектив у нас действительно такой—что заслужил, скажут прямо в лицо. Камень за пазухой не прячут.

Г. ПОМЕТУН. Самое неприятное, но справедливое, доказательное слово куда лучше камня за пазухой. Надо только с неприятными словами меру знать, когда это новичка касается. Пришел он, к примеру, в бригаду, которая себя как единая семья воспринимает, каждый с каждым пуд соли съел. А новичок, он ведь вначале в нашем огненном царстве заблудиться, потеряться может. Тут ему помочь, товарищеский совет необходимы. А бывает, по каждому поводу окрик: «Это не так, то не так...» Можно и не понять, что же от тебя ждут и требуют. Человека, нового на заводе, надо обязательно во все тонкости трудового процесса ввести, во все его взаимосвязи. Новичок понять должен, что он не посторонний здесь и не какой-нибудь кустарь-одиночка, что от его работы другие зависят. Науку коллективного труда за день-два не постигнешь. Но если усвоит ее законы новый человек, считай, свой он, не новичок больше. И за печкой, кормилицей нашей, будет ухаживать пристально и без напоминаний. И небрежность, недоделку не позволит себе, понимает, что кому-то пришлось бы за него наверстывать не сделанное или плохо сделанное.

Л. АНИСИМОВ. В цехе говорят: сегодня оставишь лопату мусора—завтра уберешь этого мусора «лодочку», контейнер трехтонный...

Г. ПОМЕТУН. Уважаешь сменщика, думаешь о том, чтобы печь и участок ему в порядке передать, он тебе

тем же ответит. А взваливаешь на него лишний труд—не жди благодарности... Это и к подручным относится и в первую очередь, конечно, к сталевару. Ведь чем больше ответственность, тем к себе требовательнее приходится быть. Как спрашивать с других дисциплину, если сам ее не соблюдаешь?

Л. АНИСИМОВ. В нашей цеховой ежедневной стенной газете «За сталь» две постоянные рубрики: «Сегодня впереди» и «Плохо отработали». Чаше всего материалы второй рубрики связаны с теми или иными нарушениями дисциплины...

Г. ПОМЕТУН. Да, хотя и не обязательно со «злостными». Ты сам привел пример: неудачная плавка из-за ошибки добросовестного человека. С таким один разговор. А с другим, кто наплевательски относится к делу, кто систематически дисциплину нарушает? Я убежден, что даже самыми строгими административными мерами, если их с другими средствами воздействия не сочетать, прогульщика или лентяя на путь истинный не наставишь. Главное слово—за товарищами по цеху, за коллективом. Непримиримость к нарушениям, всегда ли она на уровне?

Л. АНИСИМОВ. Михаил Трофимович Кинебас, у которого и опыт и авторитет в цехе огромные, Герой Социалистического Труда, сталевар легендарный, рассказывал, что он, будучи бригадиром, иной раз в «проработке» нарушителей даже и не участвовал. Соберет бригаду, доложит ей: так, мол, и так, из-за такого-то разгильдяя плавку задержали, потери в металле такие-то, в зарплате такие-то, столько-то часов всем пришлось маяться, выправляя дело. Вот он перед вами, этот «красавец», поговорите с ним... И уходит с собрания, авторитетом не давит, кулаком не стучит. Но уж тут сами ребята нарушителю так «выдают», что долго помнить будет...

Г. ПОМЕТУН. У Михаила Трофимовича полезно поучиться и как у мастера превосходного и как у открытого, душевного, справедливого человека. Хотя ни у него, ни у кого другого нет универсальных педагогических рецептов... Но вот формула доверия к своей бригаде, принципиальности ребят, к их способности правильно оценить проступок товарища—тут есть над чем поразмыслить.

Л. АНИСИМОВ. Помните, Григорий Константинович, вы сопровождали в Москву группу комсомоль-

цев — победителей соревнования? Мы ехали фотографироваться у Знамени Победы... Наши дискуссии — о сталеварской профессии, о рабочей совести, о трудовой дисциплине и качестве работы, о многом, многом, помните?

Г. ПОМЕТУН. Конечно. И то помню, как порадовался образованности, широте взгляда, гражданской ответственности тех, кто в группе был. Что, впрочем, не удивительно: собрались-то лучшие. Важно, чтобы другие, кто пока во «втором эшелоне», с вас пример брали, на ваш уровень равнялись. И тут, наверное, есть над чем поработать цеховой комсомольской организации...

Л. АНИСИМОВ. Когда ребята свою жизнь, свое будущее со сталью напрочно соединить собираются, с такими все ясно, они не подведут. Ну, взять, к примеру, моего первого подручного Степана Цепу. Мы с ним вместе Запорожский индустриальный институт кончали, металлургический факультет. Образец скромности и добросовестности. А как он металл знает, чувствует! И, между прочим, никогда не упустит возможности еще что-то понять, усвоить. У такого в металлургии постоянная прописка, он свой профессиональный «капитал» стабильно, уверенно копит. Дисциплина для него не докучливая обязанность, а человеческая потребность, я бы сказал, форма уважения к себе и к товарищам. А другой, кто без интереса работает, профессию свою не любит, совершенствоваться в ней не собирается? Какая у такого человека дисциплина, какая ответственность, будь он тракторист, сталевар или токарь?

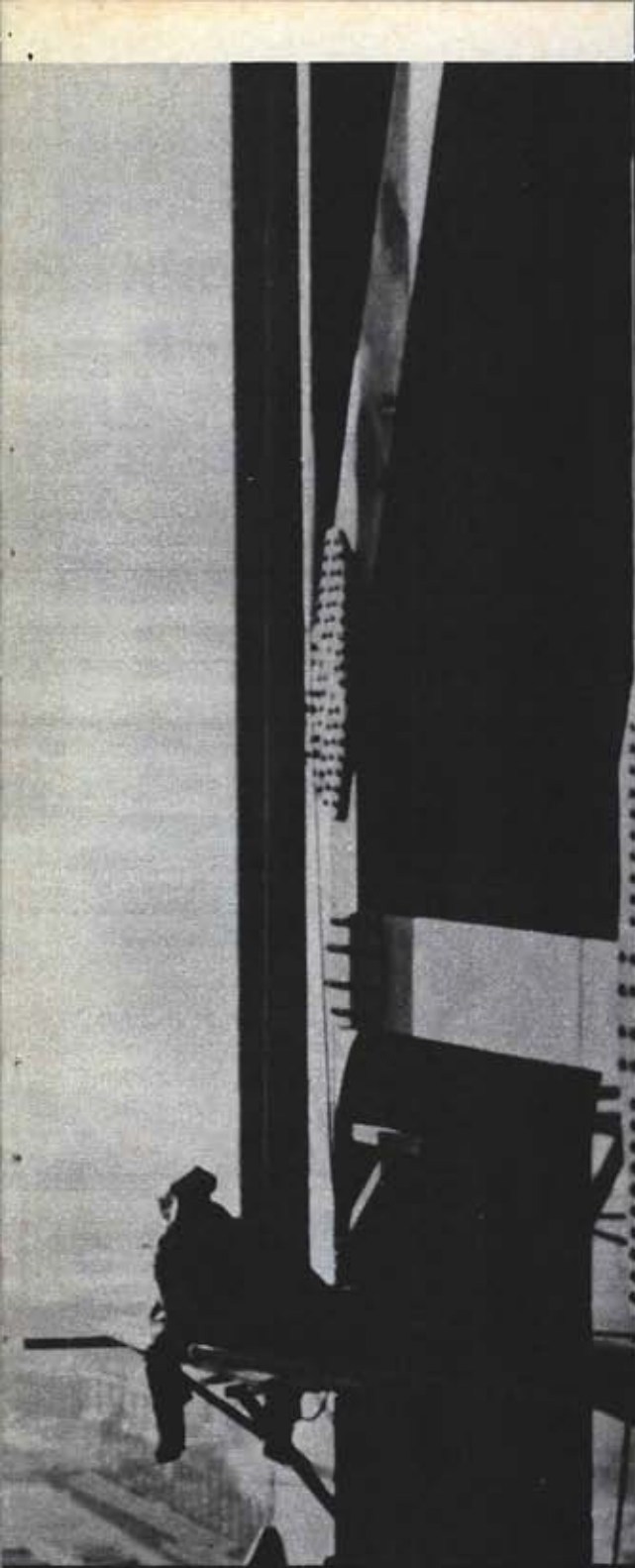
Г. ПОМЕТУН. В мартеновском 1159 человек. Я смотрел в парткоме данные: у рабочих высшей квалификации за прошлый год не было практически ни одного серьезного нарушения дисциплины. А вот у тех, кому лишь бы поменьше «вкалывать» и побольше получать... Там всякое бывало. И на работе и по ту сторону проходной. Включая 51 сообщение милиции о нарушении общественного порядка — в основном истории, закончившиеся в вытрезвителе...

Л. АНИСИМОВ. Григорий Константинович, я вот еще о чем задумываюсь... Текучесть кадров — как же это здорово мешает нам!

Г. ПОМЕТУН. Да, если не «прикипел» человек к ремеслу, не породнился с печкой, с людьми, которые возле нее стоят, уходит он туда, где попроще и поспокойнее. Но, наверное, Леня, наша с тобой забота — и как сталеваров и как коммунистов, — чтобы те, с кем вместе трудимся, «прикипели» к делу... Наш цех дает в год пять с лишним миллионов тонн стали — мы не имеем права, чтобы государство получило меньше. Ни на тонну. Больше должно получить! И соответствующего качества. «Летун» для производства фигура ничуть не симпатичнее прогульщика. Тем более, что прежде чем подать заявление об уходе, такой и работу-то свою еле-еле тянет, ему наплевать, что делать и как, лишь бы не «выложиться», не «перетрудиться». Дисциплина формальная, из-под палки, в любом деле не дисциплина, в нашем — беда. Можно все инструкции наизусть выучить, а настоящим сталеваром не станешь, пока не научишься видеть и слышать, что в печке творится. Хороший шофер по звуку мотора определит, если что не так. Хороший сталевар и до лабораторного анализа скажет, как плавка идет, когда металл готов. Но если сталевар не может доверять своим помощникам, как самому себе, если всякую мелочь собственноручно делать или проверять должен, непременно отвлечется, что-нибудь существенное, главное может прозевать. Потом уж ошибку не всегда выправишь... Команда у печи слаженной должна быть, как на хоккейной площадке.

Л. АНИСИМОВ. Команду сколотить непросто. И тут, мне кажется, очень существенным становится такой фактор воспитания, как авторитет профессии, гордость за завод, за принадлежность к сталеварскому племени... Вот вы, Григорий Константинович, метко сказали: «прикипеть» к делу... Разве это не самый прочный и надежный фундамент дисциплины? Но все ли у нас сегодня в Запорожье делается, чтобы, как говорится, престижность сталеварской профессии за пределами завода — в школах, в ПТУ — поднималась? А стало быть, и интерес к нашему делу, готовность себя ему посвятить... Я тоже считаю, что построить дом для молодых ребят, которые сегодня по окраинам у бабок углы снимают, наверное, не менее важно, чем фотографию печки в газете напечатать. Слова есть слова, а дела есть дела. И все же, мне кажется, мы могли бы многого добиться, если бы точнее и направленнее вели диалог со школьниками, с молодежью, которая служит в армии или только что вернулась из армии. Скольким молодым запорожцам не слишком знакома и близка наша история, а она у завода героическая. Пусть знают ребята, что означали первые тонны чугуна, выплавленные на «Запорожстали» в тридцать третьем году, как необходимы были стране эти тонны... И про то должны знать, что

ПРАВО НА ТРУД, ГАРАНТИРОВАННОЕ КОНСТИТУЦИЕЙ СССР, ЭТО ПРАВО НА ВЕЛИЧАЙШЕЕ СЧАСТЬЕ РАБОТАТЬ ВДОХНОВЕННО, РАБОТАТЬ ТВОРЧЕСКИ!

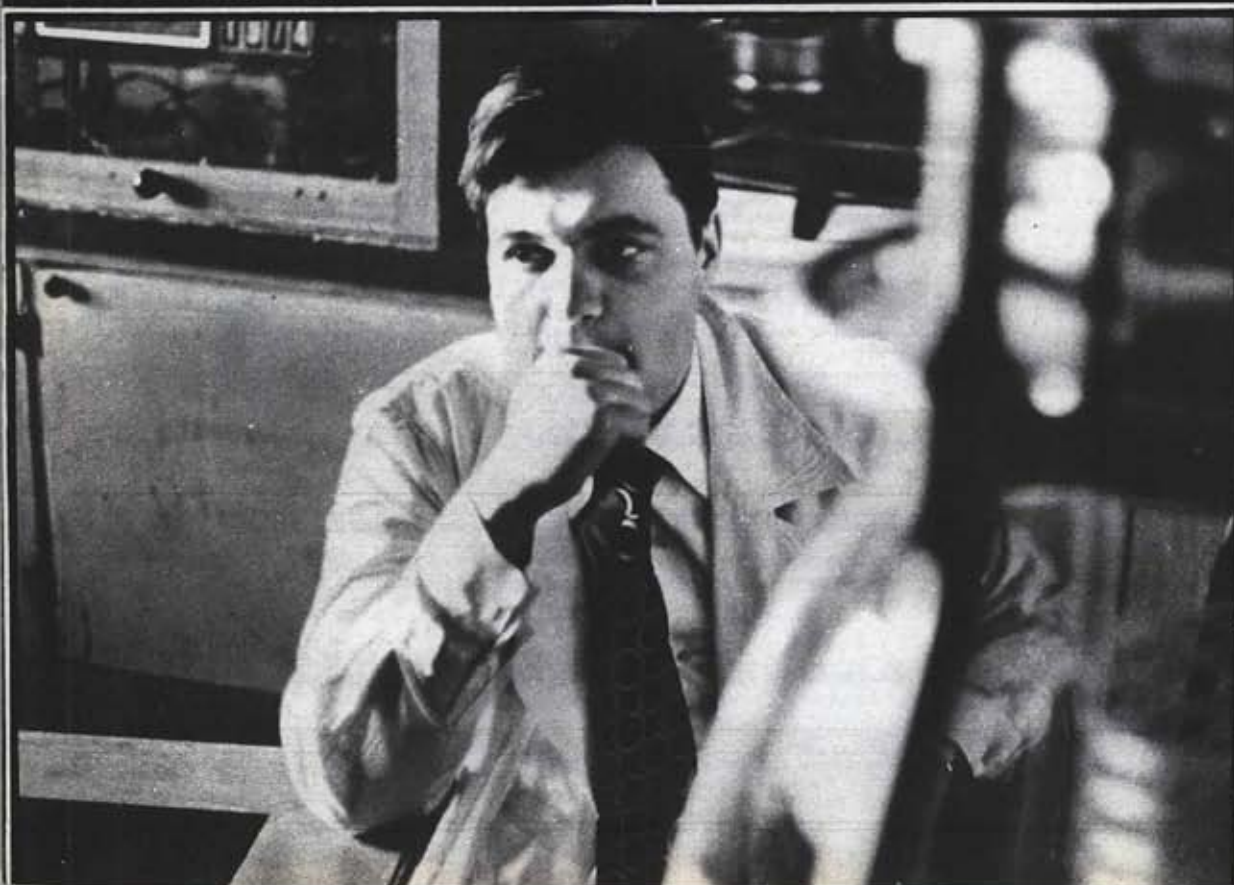

гитлеровцы превратили завод в груды развалин, и чего это стоило—восстановить его... И как первый секретарь обкома партии Леонид Ильич Брежнев перенес свой рабочий кабинет на площадку «Запорожстали»... И как академик Бардин не отходил от печей, помогая освоить кислородную продувку металла... И о мировых рекордах Михаила Трофимовича Кинебаса, варившего 100-миллионную тонну стали в СССР... И о том, как вы, Григорий Константинович, в двадцать два года завоевали звание «Лучший сталевар Советского Союза»... Обо всем этом, что стало славой завода, надо нам с ребятами не только от случая к случаю говорить... Но и о другом обязательно—о наших проблемах, о трудностях

Г. ПОМЕТУН. Представиться не только в парадном костюме, но и в спецовке...

Л. АНИСИМОВ. Да. Ведь давайте задумаемся: лучших ребят, выросших в комсомоле, отличает гражданская ответственность, поиск не легких и проторенных дорог, а большого, серьезного, необходимого стране и народу дела. Кто осаждают райкомы, требуя путевку на БАМ? А то, что БАМ не только живописные пейзажи и песни у костра, но и суровый, сложный, повседневный труд, понимает сегодня каждый. Но стройка века! И нет конца добровольцам... Экономика диктует приоритеты, и если в полный голос, без недомолвок и без сахарного сиропа вступающим в жизнь ребятам будет рассказано о том, какую острую потребность в металле испытывает страна и как жгут у домен и мартенов настоящих, боевых, энергичных, инициативных, дисциплинированных комсомольцев, то я не сомневаюсь, Григорий Константинович, путь в наши отделы кадров найдут парни такого же склада характера, что у тех, кто прокладывает в тайге километры БАМа. И ежедневных лекций и нотаций по поводу трудовой дисциплины и рабочей ответственности таким не потребуется...

Г. ПОМЕТУН. Думаю, Леня, подводя черту под нашим разговором, можно так сказать: ключ к укреплению дисциплины и повышению ответственности—в создании в коллективе такого нравственного климата, когда законом становятся доверие друг к другу, взаимопонимание, взаимная помощь, взаимная требовательность. Как этот климат создать? Тут мы с тобой фактически обо всех сторонах производственного процесса беседу вели. Это естественно—проблему дисциплины по-серьезному, капитально решить невозможно, если ее из общего комплекса вырвать. Но особо хочется вот что подчеркнуть: нарушитель—прогульщик, лентяй, пьяница—должен себя не просто «неуютно» чувствовать—земля должна гореть у него под ногами! Нет причин отказываться от любых средств воздействия, будь то хлесткая «молния», пропесочивание на бригадном собрании, выговор в приказе, лишение премии и т. д. Однако при этом и о силе позитивного примера помнить надо постоянно. Чтобы каждый новичок себя не «инородным телом» чувствовал, а частью целого, чтобы свой труд и труд товарища уважать научился, чтобы правильное соотношение между «я» и «мы» усвоил. Мы—цех, завод, страна. Мы!

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения и создала

Фестиваль поэмы

ВЕРНОСТЬ

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ

60-летию Великого Октября посвящается

1. РЕВОЛЮЦИЯ

Ильич! Я фразу каждую твою
Твердил, как клятву,
Что дают в бою.
Я все слова, что в сердце сберегал,
С твоими, прозорливыми, сверял,
Лелеял в сердце,
Мир спешил объять...
За шагом — новый шаг,
За пядью — пядь
Я проследил пути твоей судьбы,
Исполненные веры и борьбы.
Нет, не слепа любовь сыновья, нет!
Пленен тобой я с самых ранних лет.
Ведь я сквозь сердце пропускал не раз
Дыханье слов твоих,
Звучанье фраз.
И жизнь твою,
Как высший идеал,
Всем сердцем я, всей жизнью постигал.
Я заново родился,
Я постиг
И мудрость дел твоих и мудрость книг.
Нас осеняет жизнь своим крылом,
Во имя жизни
Тяготы несем.
Ведь жизнь одна,
Бесценна жизни кладь,
Нам ад и рай дано в ней испытать.
А не постигший трепетной душой
Границу меж зимою и весной —
Тот с поля боя убежит, тому,
Не зная гроз, остаться одному!
Не ведает, живет он для чего,
И не тревожит грусть его чело...
На высоту «жизнь — смерть» поднялся ты
Во имя человеческой правоты.
Так ты мужал,
Так набирался сил,
Ты сердце закалил, преобразил
Пред тем, как в бой вести
рабочий класс.
Мечтой ты стал
и знаменем для нас.
Из бед Отчизны нашей,
горьких бед,
Ради нее ты родился на свет.
Гнев клокотал в тебе, на бой стремя,
И Родина увидела тебя,
Как в зеркале, в прямых твоих словах.
И поняла — сильна,
хоть и в цепях.
Увидела она в твоих очах

Грядущих новых дней —
ее очаг.
Отчизна опиралась на тебя,
Ты — на нее...
Грядущее любя,
Сперва в своей душе ты воссоздал
Грядущий день,
что в дымке увидал,
Грядущий, светлый день родной земли.
А молнии, сверкая, сердце жгли.
И все сошлось, срослось
в душе твоей...

И боль,
и столкновение идей,
И споры,
и мятежный пыл страстей
Взрастили, возвели на пьедестал
Души твоей —
великий идеал,
Перед которым потерпели крах
И смерть, и ссылка,
и за близких страх.
Из мятежа разбуженной души
Вновь восходы
революции вззошли!

2. НАРОД, НАРОД!

«В народной массе мы все же капля
в море, и мы можем управлять только
тогда, когда правильно выражаем
то, что народ сознает».

В. И. ЛЕНИН

Тот, кто живет с народом, —
сам народ.
Кто черпает в нем силу — сильным вскоре
Становится,
И волн водоворот
Речь обретает, выбежав из моря.
Просторней, глубже далей
и небес
Могущество,
величие народа.
Кто мыслит с ним —
в том мудрости замес,
В том явственна грядущего порода.

А тот, кто за народ стоит стеной,
Тому народ — надежная опора.
Кто повернется вдруг к нему спиной,
Окажется сам на лопатках скоро.
Кто мнил порой, страстям своим в угоду,
Что он — народ, тот сир навек и гол.

Но тот,
Кто жил дыханием народа,
Возвысился и силы в нем обрел.

Вот так взмывает в небо самолет,
Без тяги вверх пусты его усилья,
Земля ему энергию дает,
А без нее он не поднимет крылья.
Твои труды я перечел опять.
И понял я одно — народ, как море.
Я — капля в нем и в радости и в горе,
Лишь в море можем мы существовать!

В бореньях бурных века, как титан,
Ты возвышался, все отдав народу.
В себя вместив познания океан,
Предвидел ты грядущую свободу.

Кто скажет:
Кровь, что в битвах пролилась,
Истает в небесах, исчезнет скоро!
Кто за народ готов в бою упасть —
Народ тому
Был точкою опоры.

Ее, как Архимед, ты не искал,
Народу верный даже в самом малом.
Ты дух ему внушал,
Он — идеал,
Возвысился ты этим идеалом.

Ты помощи не ждал со стороны,
С народом слит в стремлении едином,
И, верный сын своей родной страны,
Большого мира стал ты гражданином.

Великую я истину постиг —
Любовь проходит сквозь любое пламя.
А если не живешь ты для других,
Не жди любви народной и признанья.

3. ОТКРЫТЫЙ РАЗГОВОР

«Прямая политика — самая лучшая
политика. Принципиальная полити-
ка — самая практичная политика».

В. И. ЛЕНИН

Не раз сквозь струны сердца пропускал
Я каждую строку свою и слово,
Взлелеяв в сердце ясный идеал,
Твой идеал,
Что жизни всей основа

Рисунок
Валерия СМЕРНОВА

Советское государство — государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма.

Из проекта Конституции СССР

Самим собою наконец я стал.
Я селем был—

кипел, бурлил,
играл,

Но отстоялся, полный жизни снова.
Теперь с самим собою обо всем
Я вправе говорить— долой молчанье—
Лицом к лицу с бессонными ночами
Речь завести прямую о былом,
Поговорить о нынешнем своем.
Кто я теперь? И дан какой мне дар?
В чем суть моя?
Что значит мое имя?
Кем был еще вчера и кто я ныне?
В чем нов надеждой?
В чем душою стар?

Откуда вышел я?
Каких забот
Наследником являюсь и слугою?
Все это моей совести отчет
Перед страной моею
И тобою.

Я дерево ветвистое, чьи корни
В родную землю
Навсегда вросли.
Мое призванье—вечно в непокое
Земле моей
Петь звонко песнь земли.

Я знаю, у начала есть предел,
И я не вечен. И не вечен разум.
И все, чем в этой жизни овладел,
Что у земли я взял—
Вернуть обязан
Опять земле, покамест с ней я связан.

Все влитывает сердце из сердец
И рвется из земного притяженья.
Мои труды—
моей души венец.
Мои заботы—
Жизни отраженья.

Биенье сердца—
Каждый слог стиха.
Моя Отчизна,
Мой надежный кров,
Отчизна, что навеки дорога,
Начало и конец несметных слов.

О вождь мой, о наставник лучший мой,
Ведь мы всегда,
Как ты, любить должны
Свой край,
Преданья гордой старины
И предков кров.
Свет очага родной,
И песнь свою,
И речь родной страны...
И мысль твою,
Что брошена векам,
На этот мир глаза раскрыла нам,
Ты нас самих открыл
Для нас самих.
И я узнал, как все, и я постиг,
Что мрак, замкнувший крепко нам уста,
Глаза закрывший нам источник тьмы,
Свободой завершился навсегда.
По революции

учились мы,
На что способна правда до конца...
Умеем мы судить не по изъяснам,
Не по густым, искусственным румянам
О красоте лица!

Пусть правда не всесильна,
пусть хрупка,
Не склонится она перед бедой.

Мы знаем: мощь народа, как река,
Когда народ ее постигнет всей душой—
Становится, как тысячи—один.
И в схватке правды с ложью
Побеждает
Людская правда, правда-исполн.
Кто победил—сомнений тот не знает.
О, как слабы безверные умы!
По революции

постигли мы:
Единой верой— и в делах единой
Едины мы! И значит, мы сильны!
День ото дня восходим на вершины,
Великой революции сыны.
Истории пути мы напрямик
Прошли,
Вместивши годы в один миг.
Мы ощущаем мигом часу лет,
Мы оставляем всюду счастья след.
Мы время не часами—мощью мерим.
Из мрака к свету прорубаем путь.
Мы время сокращаем,
Мы умеем
Дышать ветрами во всю грудь!
От мига к мигу
И от мига к дню
Проводим путь мы к звездному огню.
Забрасываем к звездам дальним сети.
Живем, творим,
Творим, живем на свете.
И истину всем существом любя,
Учитель, я учился у тебя
Уроку, что любить, что отвергать—
Любить бойца

и ненавидеть нытика,
Я знаю, что открытая политика—
Правдивая и верная политика.
Нет, низкой лжи нельзя затушевать!
Я ненависти не таил

своей
К тем лживым, к тем дельцам
змееголовым,
Что прячут кривду за красивым словом.
Вот почему без страха, без затей
С эпохой я говорю привык
Начистоту,

от сердца,
напрямик!
Я смело обличал, я бичевал
Того, кто, словно маску, надевал
Пустые фразы: «справедливость,
верность».

Я смело бичевал неоткровенность
Тех,
кто, как ртуть, то вниз
вдруг опускался,

То от тепла
вновь кверху поднимался.
Я бичевал тех, кто строчил наветы,
В чьем сердце ржа предательства—
навеки!

Кто вкривь и вкось
сто истин толковал!

Ильич,
Мне потому
Открылся правды
Свет,
Что я твоим учением
Согрет.

Перевел с азербайджанского
Владимир ЦЫБИН.

ДВОМ

1

Я всегда завидовал людям, хорошо помнящим свои детские годы. Иные, судя по общеизвестным воспоминаниям, помнили себя чуть ли не в младенчестве, в пеленках и даже помнили ощущение протеста пеленаемого ребенка. Может быть, здесь больше позднейшего воображения, чем памяти? Такое сходное, самое первое впечатление есть и у меня: солнечный свет через простынку, которой завешивают меня, лежащего в люльке. Но и тут допускаю я, что это всего-навсего непреднамеренная, происходящая в нас незаметно для нас самих реконструкция: сколько раз после я сам по утрам натягивал на лицо простыню от мух, а потом и завешивал своих детей, так что хорошо мог представить себе вдруг этот солнечный свет... Да, и все-таки кажется, что было...

Но—дом! Что я помню прекрасно—до лопуха у плетня, до розетки подорожника сбоку тропинки, до последнего сучка и трещинки в бревенчатой стене над моим изголовьем—это наш двор и дом. Железная крыша нашего дома и стены снаружи были выкрашены в темно-красную краску, под углы подведены высокие кирпичные столбы. У дома было настоящее—не приступок какой-нибудь—со многими ступеньками крыльцо. Одна сторона крыльца с начала лета сплошь закрывалась хмелем, с другой тесно придвигалась сирень, третья оставалась открытой для обзора. Здесь вечерами любил сидеть мой дед Андрей, иногда на крыльцо выносили стол, самовар, пили чай... Перед домом был большой палисадник, посаженный деревьями и кустами: кроме обычных акаций, черемухи, сирени, рябины, росли в нем несколько берез, осинка, тополь, две липы. Одна, у самой калитки, пошла ввысь, другая была приземистой, с пышной, шарообразной кроной. В ветви этой липы, приезжая в деревню, я всегда заглядывал: там, в глубине имелась развилка из четырех или целых пяти сучьев, по моему мнению, как нельзя лучше приспособленная для гнезда. Но птицы почему-то не замечали ее. Однажды, помню, я даже принес и поместил туда найденное мной пустовавшее гнездышко—не столько для того, чтоб кто-то в нем поселился, не так я был наивен, но чтобы показать, обратит ли птичье внимание: вот, мол, здесь уже жили... Все зря: и в остальные годы развилка пустовала.

В нашем палисаднике собирал я грибы. У изгороди, на солнце, стоял настоящий, перенесенный из лесу куст орешника и родил орехи. Я не сказал—каждое дерево, каждый куст перед домом были памятными. Вечерами, когда спадала жара и унималось дневное трепетание листьев, дед Андрей, посидев на крыльце, называл мне, кто какое дерево когда посадил. Березу—Василий, когда уходил на рабфак. Тополь—Иван, уезжая на фронт. Липы—Герасим с Алексеем. Рябину—сам дед... Уходя из дома, оставляли по себе память. Много было детей, не раз уходили—много вышло и деревьев. Сидя на нижней ступеньке крыльца, подперев рукой подбородок, я сосредоточивался невольно на каком-нибудь отдельном, вознесенном выше всех в светлое, тихое небо листочке, замирал так же, как он, и в душе моей незаметно для меня, ненавязчиво укреплялся простой старинный завет: посадить возле своего дома дерево. Я не умилялся рассказу деда, не мечтал, не давал про себя торжественного обещания, вряд ли вообще об этом думал—это было для меня таким же естественным, само собой разумеющимся делом, как, например, то, что завтра я пойду за грибами или на пруд, только более отдаленным...

Хорош был наш дом и внутри. Из просторных сеней дверь налево вела в избу, направо—в светелку. Прямо был выход на заднее крыльцо, во двор, это крыльцо закрывалось еще калиточкой, от скотины... Убранство в избе, как я теперь понимаю, было самое обычное: слева, под окнами, широкая и длинная скамья с прямой спинкой, стол, деревянная кровать. У другой стены, посередине,—печь. Легкие дощатые переборки по обеим ее сторонам отделяли кухню и дедов закуток. Там стоял его топчан, на котором он спал, над изголовьем на полочке было разложено его хозяйство: старые квитанции, письма, почтовая бумага, чернильница, очки в картонном футляре, некоторые листки с отрывного календаря, сберегаемые для памяти... В переднем углу висела всего одна икона с лампадкой, неподалеку, в простенке,—общая большая рама с многими фотографиями, численник, ходики... В светелке никто не жил, там не топились, служила она чем-то вроде подсобного помещения. В ней стояли укладки, большая и малая, бабушкина пряхка, старая колыбель, огромный деревянный ларь, на стенах висели сита, пахло мукой... Соответственно имелись в доме два чердака. На одном, над избой, была темень, духота, смешанный запах золы, пыли, разогретой крыши. Вдруг, когда привывкали глаза, вставал в глубине темный столб трубы. Был этот чердак мне неприятен, казался он чужим, мертвым, непонятным придатком к человеческому жилью—черный земляной подпол и то был понятнее: в нем картошка хранилась. На избу я лазил редко, по-моему, даже кошка здесь никогда не ходила. Зато чердак напротив, за светелкой, был несравненно интереснее. Потолок там не засыпался, просто неподогнанные доски лежали на матицах, и в широкие щели видна была вся утварь внизу, пробивался свет, и представлялось таким образом, что это не чердак, а та же светелка, другой ее этаж. И слуховое окно располагалось сюда поближе. Набросана была здесь разная рухлядь: помню самодельную тряпичную куклу с нарисованным чернилами лицом, старую солдатскую фуражку без козырька и кокарды, покрытую таким идеально ровным и плотным слоем пыли, что казалось, это и есть материал, из которого она шита. Был тут остов большого деревянного грузовика—впоследствии я увидел на фотографии себя в возрасте двух лет с этим грузовиком, еще целым, и понял, что это был мой грузовик. Находил я здесь и книги—в одной из них, тоненькой, с крупными, как в букваре, литерами, повествовалось о мужчинах и женщинах, вначале грешных, а потом, под

влиянием какого-то необыкновенного случая, сделавшихся святыми... Все это после короткого исследования не представляло интереса даже для меня, однако увлекал сам процесс поиска, ожидание находки. Однажды, перелезая через переводины и осторожно ступая на неприщитые прогибающиеся доски, обнаружил я где-то в щели пачку больших, синих и красных радужных бумажек с коронами и орлами—царские деньги. Я показал их деду, он глянул на деньги с любопытством, почти равнявшимся моему, с любопытством первооткрытия, затем с припоминанием и с некоторой долей непонятного мне тогда смущения и—отдал мне, насовсем. В другой раз наткнулся я на книгу без титульного листа и первых страниц, со старинной орфографией, прочел там же, на чердаке, и забыл, и только много лет спустя, когда начал читать «Преступление и наказание» и дошел до того места, где Раскольников с топором стоит, притаившись, за старухинными дверями, то вспомнил очень отчетливо слуховое окно, косой солнечный луч с пылинками и узнал, что читал тогда Достоевского...

Бесконечно я мог бы рассказывать о нашем доме. Например, как особенно живописно выглядел он, если смотреть на него из-за речки, со стороны деревни. Да его почти и не видно было за густой зеленью, лишь часть красной крыши, но тем большее он привлекал внимание своей скрытой, угадываемой нарядностью. «А чей это дом, там, на бугре?»—неизменно спрашивали приезжие, несведущие люди... И я раньше никогда не задумывался над этим, но теперь, занявшись воспоминанием, проникаю все более твердой уверенностью, что многие особенности человеческого характера связаны именно с тем, в каком доме жил человек в детстве, был ли этот дом лучше или хуже соседних, стоял ли особняком или в центре деревни...

2

Но я, наверное, не вспоминал бы наш дом так, как вспоминаю сейчас, во всеобъемлющем значении дома, если бы не выдавались для него счастливые дни, когда в нем собирались все.

...Вдруг—это для меня, конечно, вдруг—начинали один за другим съезжаться в него все бабушкины сыновья и дочери, и каждый со своими детьми, моими двоюродными братьями и сестрами... Только теперь могу себе представить, как они там все заранее списывались, сговаривались, подгадывали с отпусками—ведь не двое-трое съезжалось—человек до двадцати собиралось на нашем бугре... Объявлялись они со всех, причем с самых неожиданных сторон: кто приезжал попутной машиной из города, кто приходил пешком с ближайшей станции, кто, пройдя задами, выходил с огорода, кто махал и кричал из-за речки, спрашивая, где перейти... И по мере того, как гостей прибавлялось, в доме все нарастала радостная суета, бесполовность которой усугублялась оттого, что все наперебой рвались помогать бабушке и деду в хлопотах по хозяйству: топить печь, замешивать тесто, готовить еду, приносить дрова и воду, скоблить, прибирать в доме, поливать в огороде, задавать корм скотине... Находились дела и мне: то меня посылали за чем-нибудь в лавку, то по соседним деревьям созывать родных... Посреди всех приготовлений моя мама удичала момент вымыть меня; это, помимо самой процедуры, было неприятно еще и тем, что я всячески старался выказаться перед съехавшимися братьями и сестрами, что я здесь живу и сам себе хозяин, что хочу, то и делаю, а получалось, что и со мной могли сделать, что хотели: вот, поставить так унизительно в корыто, тереть мочалкой, намылывать голову... Чистый, в новых трусах и майке, я выходил, хмуро садился на ступеньках крыльца, садники отмытые руки и ноги... Деда тоже «ображивали»—повязывали полотенцем, подстригали, ровняли бороду, дружно уверяли: «Помолодел, Андрей Яклич!» Дед с удовольствием гляделся в зеркало: «Мать! И впрямь помолодел!»...

Обедать решали, конечно же, в палисаднике, выносили под березы столы и лавки. Звали соседей. Последними, соблюдая приличие, приходили из деревни подруги бабушкиной юности—бабка Ганя и бабка Елена. «Ох, Дунищ, как к вам на бугор-то всходить! Насилу дошли!»—отдыхавшись, говорила одна. «Зато благодать! Райский прямо уголок!»—откликнулась другая... Мне нравилось наблюдать за столом, наблюдать всех, слушать разговоры... Дядя произносили тосты—за недавнюю тогда победу, за родителей, за всю нашу родню, вспоминали Ивана, единственного из братьев, который не вернулся... Бабушка подносила к глазам конек платка. «А ты погоди, Авдоть, погоди горевать-то!»—Это бабка Ганя с бабкой Еленой.—Путаю иногда! Вон в Гремячеве так-то...»—и приводили в пример, как в другой деревне кого-то считали погибшим, а он возьми и объявись! Бабушка моя этот пример, конечно, знала, она и с этим примером горевала, она и без этого бы примера ждала...

Я жадно слушал рассказы моих дядев о войне, я гордился ими: они были войны, они были победители, их мужество было для меня неоспоримо. И в то же время я понимал еще что-то иное, поражался каким-то своим странным мыслям и ощущениям, возникающим в связи с этими рассказами, отчего некоторые из них особенно запомнил. Вот мой дядя Вася—он был лейтенант—пытается вывести своих бойцов из окружения. Идут они где-то опушкой леса, мой дядя впереди, и вдруг, как бывает, в последний момент, замечает, что сапог его готов поддеть замаскированную в траве проволочку, и мгновенно догадывается, что это—мина. Василий Андреевич тут же поднимает руку, бойцы останавливаются, он отсылает их и велит залечь за деревьями, а сам начинает потихоньку, стараясь не шевельнуть ни проволочку, ни траву, высвобождать сапог... Я восхищался самообладанием дяди Васи в миг, когда он был на волосок от смерти, и живо, и по многу раз представлял и опушку леса, и проволочку в траве, и как

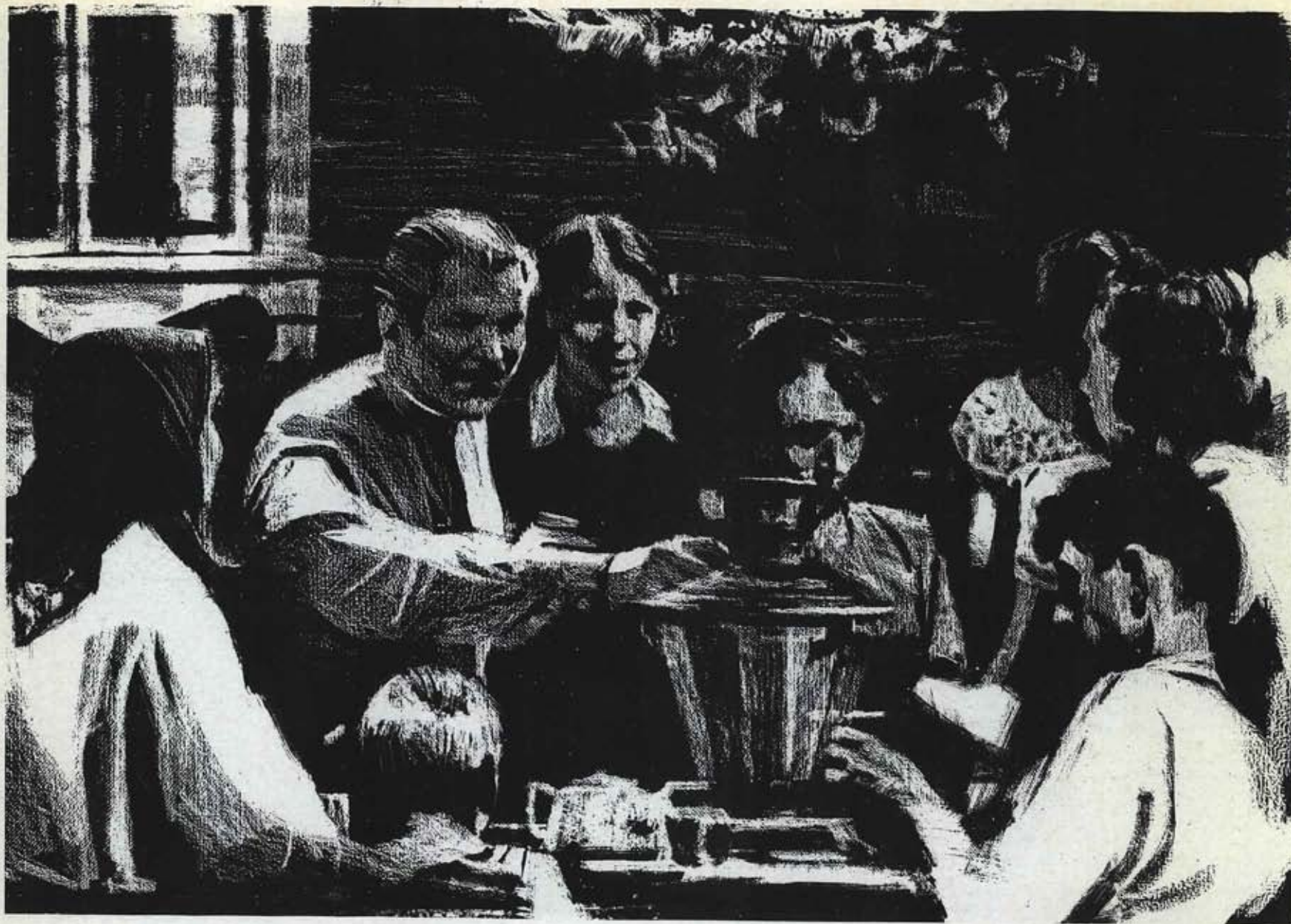

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

дядя, не обращаясь, приказывает бойцам уйти и остается один на один с этой проволокой... Но однажды, так представляя, я внезапно сообразил, что ведь миг этот был и в бабушкиной жизни тоже, а что же она делала в этот именно миг?! Топила печь, кормила кур, возилась в огороде, просто ли сидела у окошка, а может, раскидывала карты как раз на него, Василия?.. Ощутила ли бабушка это мгновение как особенное, или на фоне постоянной тревожной думы о детях оно никак не выделилось, слившись с другими мгновениями ожидания, которые были для нее такими же, как это?.. И я очень отчетливо почувствовал, что задумано было это мгновение, в сущности, как одно, единое, но разделилось на два, стало отдельным для бабушки и ее сына, и воссоединить его теперь невозможно, да и тогда было невозможно, потому что нет такого человеческого глаза, чтобы подсмотреть это мгновение сразу в двух, тем более далеких друг от друга местах... Но оттого, может быть, что я часто и очень хорошо представлял то дядю Васю, вызволяющего сапог, то бабушку, неизвестно что в этот момент делающую,—все-таки чаще всего склонялся я почему-то, что сидит она у окна,—то получилось само собой, что я словно отодвинулся куда-то страшно далеко и оттуда увидел их разом и совсем рядом: Василия Андреевича примерно как у нас в палисаднике, сосредоточенно наклонившегося и замершего, и бабушку, смотрящую в окно, но будто бы не на дядю Васю, а мимо или на дядю Васю, но как-то сквозь, вдаль, то есть они как бы не видели друг друга, но чувствовали, незримо были соединены напряжением момента, и бабушка, с виду сидящая спокойно, тоже словно замерла, а еще они были соединены тем, что я в тот момент видел их обоих... И впоследствии, вспоминая этот рассказ, я всегда представлял Василия Андреевича только так—вместе с бабушкой...

...Засиживались до темноты и, конечно же, пели. Всякий раз я удивлялся, как тонко угадывала бабушка этот миг, когда сидящим за столом словно начинало чего-то не хватать, и тут она вдруг запевала, и все согласно подхватывали, будто осознав: вот, вот чего им не хватало! Как пела наша семья! Голоса у всех были хорошие, особенно выделялся сильный, красивый баритон дяди Лени. Талантом петь он был, наверное, в бабушку, он и лицом единственный из детей походил на нее—светлый, голубоглазый. Все остальные были темноволосые, кареглазые, смуглые—в деда Андрея. Глядя на дядю Леню, я вспоминал бабушкин рассказ, как в детстве ребята смеялись над ним: «Тебя подменили!»—и Лексей сердчал и лез драться... Мне казалось, я понимал, отчего его любимая песня—«Ревела буря, дождь шумел...», здесь его голосу было где развернуться... Пели Лексееву любимую, Васильеву любимую, Иванову любимую, дядю Васю любимую... И останавливался кто-нибудь на деревне, глядя на наш бугор: «Ну, у Райских гуляют!»

Затем наступали дни ленивого, размеренного дачного существования. С утра кто-то оставался помогать по дому, а все остальные уходили за орехами в дальний Федоровский лес или за грибами на Дубакинский край. Потом сушили их, рассыпая на противнях, плащ-палатках. Куда ни заглянешь: на сарае, на чердак, на пологий навес крыльца, на печку,—езде грибы, орехи... Вечерами усаживались играть в лото: шаров на всех не хватало, закрывали числа теми же

орехами... Расходясь спать, договаривались, куда пойдут завтра. Спали кто где: в сенях, в светелке, в сарае на сене, в дедовом шалаше на огороде, прямо в палисаднике—всем хватало места...

Помню, однажды эти спокойные и счастливые дни чуть не омрачились одним происшествием. Нашу козу Серку покусал волк. Он было схватил ее, но пастухи подоспели, отбили. Несколько дней Серка недвижно лежала в хлеву. Я приносил ей свежие ветки, рвал для нее траву... Все оставалось нетронутым. Решили: издохнет коза, надо резать... Все уже было готово: позвали из деревни мужика, укрепили во дворе горизонтальный шест, поставили рядом таз, вытащили из хлева кучу веток, которые я наломал. Все ходили мрачные, неразговорчивые, и я уже с подступающими слезами, сжимая кулаки, отворачивался в угол двора и вообще собирался бежать, забиться куда-то и плакать, как вдруг Серка показалась из хлева, подошла, пошатываясь, к веткам и стала щипать!.. Все оживилось, заговорили! «Надо же, умница, почувствовала! Значит, поправится... Ведь это она почувствовала!» Всем стало легко, хорошо, и начали снимать шест, а я все-таки бросился со двора плакать—теперь от облегчения и радости...

Еще обязательно бывали дни, с утра до вечера наполненные работой. Кто-то шел к леснику договариваться насчет дров, кто-то к председателю—насчет машины; ехали в лес, валили деревья, привозили на бугор, пилили, кололи, складывали в поленицы—на зиму... Заготавливали и сено: мужчины вооружались косами, женщины ходили с граблями... И в этой сосредоточенной деловитости чувствовался близкий отъезд. Еще раз, на прощание, ставили столы в палисаднике... После, когда все разъезжались, бабушка не раз принималась считать, загибая пальцы: «Лексей сам-пят, Гарасим с Надей, Василий с Дусей, Зина с твоим отцом...» Перечисляла всех и спрашивала: «Сколько ж это выходит?» «Девятнадцать»,—отвечал я. «Больно что-то мало: девятнадцать!—сомневалась бабушка.—Шуру с Тamarой считал?!» «Считал... Нас еще трое»,—напоминал я, имея в виду бабушку, дедушку и себя, чтобы было нас всех, как хотела бабушка, больше. «Ну, нас-то чего считать!»—махала рукой бабушка, и мне почему-то было лестно, что и меня считать не надо... «Значит, Лексей... Гарасим... Василий...»—снова, совсем как в чеховской «Канители», начинала перечислять бабушка, и я поначалу возмущался, что не доверяет она моим математическим способностям, а потом понимал, что ей просто хочется еще раз назвать их всех...

Теперь, вспоминая, я радуюсь за бабушку и деда, что выпадали им такие дни. Повезло и мне: я видел большую нашу семью в пору ее расцвета, в момент наиболее полного выражения ее духа. Не зная вовсе жизни и людей, первое понятие о мире я составлял по нашей семье, и мне, я считаю, повезло, что я составил это понятие по тем добрым, любящим друг друга, ласковым, великодушным, самоотверженным, трудолюбивым, стойким и мужественным, которых привелось мне знать в детстве... И еще я знал с тех пор, с какою верою мы живем,—всегда мог себе ответить, что мы для того и выгоняем дальше ствол нашего древа, для того и остаемся в нем, что в какой-то его точке опять вдруг завяжется узелок и снова отойдут от него во все стороны многие ветви...

Защита социалистического Отечества есть важнейшая функция государства, дело всего народа.

В целях защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства в СССР

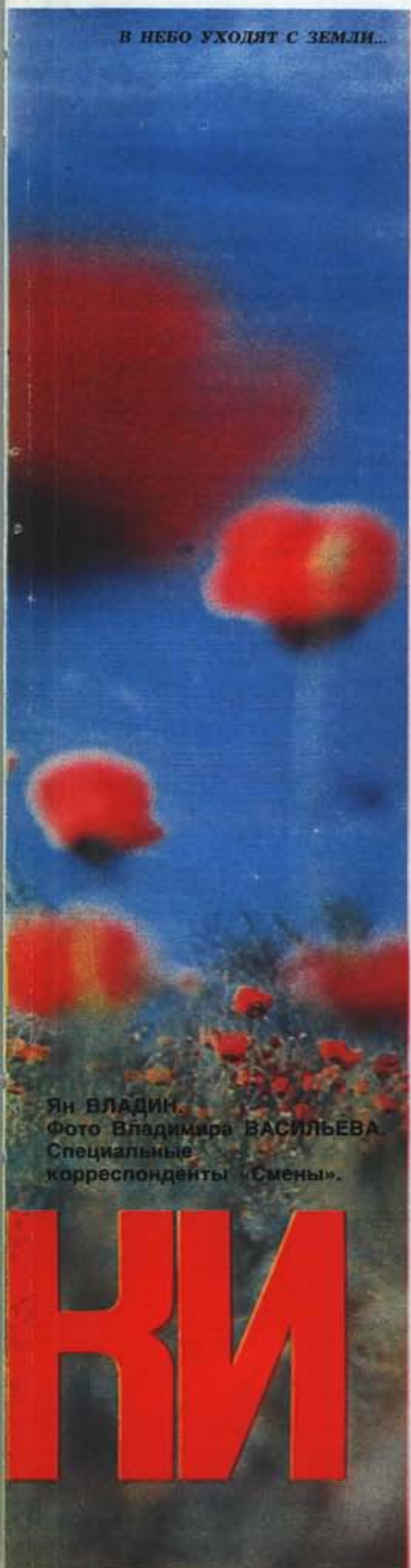
ПЕРЕХВАТЧИ

созданы Вооруженные Силы и установлена всеобщая воинская обязанность.

Долг Вооруженных Сил СССР перед народом — надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору.

Из проекта Конституции СССР

В НЕБО УХОДЯТ С ЗЕМЛИ...

Пятница, 16 часов 10 минут

— Курс 235... Дальность до цели...
Гарькавый дублирует команду с земли и скользит взглядом влево. Березин идет рядом с ним, как влитой. Сзади — пара Богдана Сподарко. У всех четверых под крыльями ракеты. Не болванки, а боевые ракеты, применяемые в учебных целях.

— Курс 240... Дальность до цели...
Разность высот 400...

А там, на земле, рядом со штурманом наведения наверняка сейчас стоит Салеев, стоит, вцепившись пальцами в спинку стула, и не сводит глаз с индикатора.

— Курс 242... Дальность до цели...
Разность высот 100...

Если он, Гарькавый, промахнется, будут стрелять все по очереди — Березин, Сподарко, Богуславец; цель должна быть уничтожена во что бы то ни стало. Но он не должен промахнуться, не имеет права, он командир звена. Ведь могло же быть так, что он пошел бы на перехват один.

— Разность высот 0...

— Цель наблюдаю...

Вот она, черная, обтекаемая, с едва заметными выпуклостями крыльев. Сейчас она войдет в птички его прицела.

— Цель ваша, атакуйте!

— Понял, атакую...

НОЧЬЮ БУДУТ ПОЛЕТЫ.

ЕЩЕ МГНОВЕНИЕ, И ИСТРЕБИТЕЛЬ «ПРОУИВНИКА» ВОЙДЕТ В ПРИЦЕЛ.

Ян ВЛАДИН.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА.
Специальные
корреспонденты «Смены».

ЖИ

Гарькавый жмет на кнопку «пуск». Его резким толчком бросает вперед. Взрыва он почти не слышит, только видит, как на мгновение впереди него озаряет небо оранжевый всполох.

Четверг. Утро

На разведку погоды полетел сам Салеев. Знали за командиром эту слабость — попробовать небо первому, рано утром пронзить своим «МиГом» вздымающуюся над пустыней красную зарию.

Мы тем временем сидим в беседке, увитой обгоревшей виноградной лозой, и ждем его возвращения, жадно вдыхая по-утреннему влажный воздух. Пройдет три-четыре часа, и солнце раскалит воздух так, что им уже не надьшишься. А попробуй дотронься в полдень до корпуса самолета — обожжешь пальцы до волдырей. Поэтому в сорокаградусную жару и летчики и технический состав работают в кожаных перчатках. Страшная это вещь — жара, ночью засыпаешь, только завернувшись во влажные простыни, днем так и вовсе кажется — нет сил двигаться... А аэродром работает.

Поставив свой «МиГ» точно к линейке (Салеев не любит небрежности), он идет к нам быстрой походкой, чуть наклонив голову:

— Значит, так... Нижняя кромка облачности — 2,5 тысячи метров, верхняя — 4 тысячи 600... Наблюдаются полеты птиц над зоной... На юг видимость шесть с половиной, на север — 10 километров... Ветер 5—6 метров в секунду... левый снос...

И так далее. Когда Салеев заканчивает, встает метеоролог, потом штурман, радист, врач. Ритуал предполетных указаний незыблем. Короткий же смысл его сводится к тому, что сегодня работать в небе можно.

Всех, кроме Салеева, командир звена гвардии старший лейтенант Виктор Гарькавый слушает вполуха, гораздо значительнее ему кажется то, что происходит на веранде штаба. Там стоят четыре незнакомых летчика. Они рассматривают салеевцев, тихо и редко роняют слова и улыбаются. На вид они немногим старше Виктора и его ребят, но их обособленность, небрежность, с которой они придерживают шлемы, попросту называемые летчиками «чепрашками», подогнанное с особым шиком обмундирование подчеркивают их исключительность.

С одним из них, высоким, худощавым, нарочно медлительным старшим лейтенантом, Виктор вчера играл в «пирамиду» в летном профилактории. И был «убран» по всем правилам, успев положить лишь три шара. Но только сейчас Виктор догадался, что эти четверо и есть «противник», с которым его звену предстоит сегодня «воевать».

Взлетать звену предстояло не скоро, и поэтому Виктор мог еще раз проговорить с ребятами варианты воздушной схватки и успеть проиграть их на земле. Занятия такого рода официально именовались «пеший по-летному». Они отошли за угол учебного корпуса и уселись прямо на земле под раскидистым, усыпанным белесой аэродромной пылью кустом. Молчали, пережидая, пока первое звено вырубивало на взлетную полосу, в это время все равно друг друга не услышишь из-за рева двигателей. От него даже воздух над полем мутнел, дрожал и делался гофрированным.

— Видел тех четверых на веранде? — спросил Виктор Богдана.

— Ага.

— За «противника» будут сегодня. Аховые ребята, а?

Богдан задумчиво крутил пуговицу на рукаве.

— Чего молчишь, Богдана?

Сподарко щелкнул по пуговице ногтем.

— Волнуешься, командир. Правильно делаешь. Я тоже. Аховые, говоришь, это тоже понятно, к нам других

не пришлют, какой смысл в поддавки играть. Но ведь и мы, Витя, не последние в своем деле.

И то ли от слов Богдана, то ли от собственной, пришедшей уверенности в том, что этот разгоравшийся в утренней синеве день будет для них удачным, на душе у Виктора стало легко. Ему вдруг захотелось сделать что-нибудь смешное и нелепое. И он с криком «атакую» ринулся на Валерия Березина, и они покатались по усеянной колючками земле, притворно рыча и захлебываясь смехом. Неизвестно, когда бы кончилась эта схватка, не появившись внезапно из-за кустов Салеев.

— У них бой через полтора часа, а они дурака валяют, — проговорил он, пряча улыбку в уголки губ.

Все четверо молча ждали, когда командир подразделения разомнет и прикурит сигарету.

— Двигайтесь поближе... Противник, ребята, будь здоров. У каждого из них налет раза в полтора больше, чем у вас. Высокий старлей по первому классу летает, остальные по второму. Словом, уровень подготовки у них очень приличный... Ладно, смотрите, предположим вот такой вариант. — Салеев зажал сигарету двумя пальцами и повел ее фильтром вперед, описывая полукруг: — Их пара идет почти встречным курсом, тогда лучше всего короткая косая петля. Вот так...

Рассказ гвардии старшего лейтенанта Виктора Гарькавого:

— Я впервые увидел самолет вблизи, когда учился в пятом классе. Мы поехали на экскурсию. Сойдя с автобусов, еще долго шли лесом, пока не добрались до поросшей орехом балки. На дне ее лежал «дуглас» с обломанными крыльями, искореженным фюзеляжем, проржавевший снизу доверху. Седой мужчина с партизанской медалью на пиджаке, который привел нас к самолету, сел перекурить, а мы полезли в самолет и с полчаса рыска-

ли по нему, дергали всякие ручки и обугленные провода. Когда мы налазались вдоволь, наш проводник собрал нас около себя и рассказал, что это был за самолет.

«Дуглас» перебрасывал в их партизанский отряд снаряжение и медикаменты, почту и оружие, а обратно забирал раненых. Летали на нем хорошие ребята, с которыми был знаком почти весь отряд. Но однажды партизаны стали свидетелями того, как этот самолет атаковали четыре «мессера». Бой продолжался недолго. Сначала развалился в воздухе один из четырех «мессеров», потом вспыхнул наш самолет. Летчикам удалось дважды сбить пламя и посадить изувеченную машину, груженную медикаментами, на землю. Но сами они умерли от ожогов и ран в партизанском госпитале.

Когда он кончил свой рассказ, я вновь залез в кабину «дугласа». Именно в тот день я решил стать летчиком. Дальше все было просто — после десятилетки поехал в Волгоград, поступил в училище. Потом — сразу сюда, в пустыню. Считаю, что мне повезло, не каждому доводится с самого начала служить в гвардейском орденоносном подразделении, воспитавшем девять Героев Советского Союза. У нас отличные ребята, очень дружное звено, мы прекрасно понимаем друг друга на земле и в воздухе.

Особенно легко Виктору леталось с Березиным. За время их совместной работы они выиграли около тридцати учебных воздушных боев, причем встречаться в небе им доводилось и с довольно опытными летчиками. Но какой бы маневр ни выбрал ведущий, его ведомый «стоял» рядом намертво, и это, как правило, решало исход боя. Потому что нет в небе ничего страшнее, чем потерять друг друга. А потерять легко: нарушил дистанцию, отвлекся на мгновение, не заметил маневра ведущего, и вот ты уже один, и

он тоже один, и у обоих открыта «спина».

Когда это произошло с Анатолием Богуславцем впервые, он понял, что виноват сам — слишком далеко оторвался от Сподарко, не заметил, как тот ушел в облака. А оторвался Анатолий оттого, что все еще не мог преодолеть в себе чувство оцепенелости, появляющееся у него при сближении самолетов в воздухе во время виража. Ему казалось — еще мгновение, и машины дернут друг у друга обшивку.

И Гарькавый, и Березин, и Сподарко понимали, что Богуславец сам должен победить в себе боязнь сближения, и деликатно не замечали, как Анатолий увеличивает дистанцию перед очередным маневром.

Но однажды, после очередного полета, когда Сподарко самому пришлось искать в небе своего ведомого, ребята все-таки решились на тот разговор. Возник он как бы невзначай. Шли они вечером к городку по почти километровой длины бетонке, вспотевшие и усталые, среди аэродромного грохота и трелей цикад, этакое симбиоза звуков, порождаемых человеком и природой. И вдруг Березин усмехается и говорит:

— Вспомнилось что-то. Еще в училище лечу я как-то ведомым с одним первоклассным летчиком. Самое главное, думаю, не отстать. И хотя страшно мне, но прижимаюсь к нему, как положено. Сделали «горку», одну, другую, и тут он завязал такую «петлю», что у меня мурашки забегали. «Сейчас, — думаю, — он своей кабиной мне запасной бак срежет. Ну, я от переживаний не пошел на «петлю», а полетел по горизонтали. Правда, он меня довольно скоро догнал, и мы повторили все фигуры уже вместе. А после полетов он мне и говорит: «Ты бы, парень, подумал прежде, чем в военные летчики идти, в ГВФ-то оно спокойнее». Я на это промолчал, что говорить, он был прав на все сто. Зато в следующем полете шел с ним, как прикованный. И

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

ничего, обошлось, он меня даже зауважал после этого. А ведь страшно было, ребята, честное слово.

Виктор и Богдан понимающе закивали головами и добавили к разговору еще по одному случаю из собственной практики. И все это как-то между прочим. Только Богуславец шел молча, опустив глаза, понимал, для кого все это говорится. Уже когда подошли они к городку, Анатолий остановился, посмотрел на товарищей и сказал:

— Спасибо, ребята, за то, что щадили меня. Могли бы и не щадить, раз заслужил. Понял. Постараюсь сломать я в себе это. Не сломаю — подам рапорт. Вот так.

— Ну это ты, Толя, не забывай, — сказал ему тогда Гарькавый, — рапорт ты не подашь, а летать будешь. В это я верю, и все мы верим... Дорого стоило Богуславцу это доверие. Понял он, что шло оно от искреннего стремления ребят помочь ему вновь обрести веру в себя. А ведь и Гарькавый и Сподарко, который был комсоргом эскадрильи, могли бы поговорить с ним и не так, не в игрушки же они здесь играют.

Разговор этот случился не так давно. Сегодня, в бою с опытным «противником», когда особенно важно стоять в паре намертво, гвардии лейтенант Анатолий Богуславец должен или оправдать доверие звена, или... Или они проиграют бой, потому что разрыв в дистанции между ведущим и ведомым во время пилотажа может быть мгновенно использован «противником».

Перекрывая рев двигателей, динамики проревели над аэродромом: «41-й, 42-й, 53-й... На вылет!»

— Ну, по коням! — Гарькавый встал и, не оглядываясь, зашагал к самолетной стоянке. Остальные двинулись следом. Наперерез им на поле уже выруливали четверка узкотельных стрелительных «МиГов». Это были самолеты «противника», по условиям учебного боя взлетавшие первыми. Ведущий первой пары скошил из кабины

взгляд и помахал им рукой. Из-под шлема, сверкнув зубами, улыбнулся худощавый старший лейтенант. Гарькавый посмотрел на номер машины — «09». И тоже улыбнулся, вспомнив, что на «девятке» сдавал пилотаж в училище.

«41-й» медленно выруливает к «взлетно-посадочной»; в десяти метрах за ним — самолеты Березина, потом Сподарко и его ведомого Богуславаца. Как зачарованные, смотрим на готовые сорваться с места серебристые остроносые машины. Чтобы не закладывало уши от пронзительного воя и грохота двигателей, открываем рты, но не уходим, чувствуя почти физическую потребность остаться рядом с «нашими» летчиками до момента их взлета.

Начался отсчет времени до старта. Где-то там, наверху, бродит в небе «противник». И пусть ты знаешь в лицо, все равно ты должен научиться его побеждать, потому что завтра противник может оказаться не условным, а реальным и вместо кнопки фотопулемета нужно будет нажать кнопку боевого применения. И идти в бою до конца, чего бы от тебя ни потребовали обстоятельства. Потому что, воспитав из тебя воина, страна доверила тебе, именно тебе, охрану своих рубежей, возвела тебя в ранг защитника своего суверенитета. Это трудная, но очень нужная работа — оберегать мирный труд своего народа, и делать ее могут лишь люди, не только безгранично преданные Родине, готовые на любой риск во имя выполнения своего долга, но и высокопрофессиональные в военном отношении... Ты обязан стремиться к этому, обязан стать мастером воздушного боя. Для этого Родина растила тебя, учила добру, закаляла твой характер, воспитывала волю, а потом дала современную могучую технику. И, избрав из всех земных дел военную службу, потому что как гражданин видел в ней свое предназначение, ты тем самым принял на себя высокую

обязанность охранять и защищать жизнь. Да, защищать жизнь, хотя ты и военный летчик.

Когда небо поглотило последний «МиГ», мы идем к серому невысокому домику с прозрачным четырехгранным куполом, где размещается командный пункт. Яркие зеленоватые экраны индикаторов высвечивают в полумраке обстановку комнаты, в которой работают штурманы наведения. Здесь тихо, как в храме, лишь время от времени в эфир уносятся сухие и резкие команды. Однажды кто-то заметил, что современное пилотирование — это только взлет и посадка, остальное за тебя делают приборы и наземная служба. Это не совсем так. Воздушный бой, основывающийся на искусстве высшего пилотажа, всегда останется уделом летчиков. Но какая-то доля правды в этом суждении есть. Необычайно высокие скоростные режимы, в которых работают военные пилоты, затрудняют визуальную ориентировку в воздухе. Поэтому при перехвате воздушной цели летчик целиком руководствуется командами с земли, которые исходят от штурмана наведения, и показаниями собственных приборов. Вооруженный современной системой воздушного слежения, вычислительной техникой, штурман рассчитывает курс перехватчика в соответствии с курсом цели и наводит на нее истребитель. Казалось бы, все просто. Но достаточно штурману ошибиться на один градус, упустить один из множества параметров цели, и истребитель «промажет», пройдет мимо цели, и догнать ее потом будет практически невозможно.

Вот на индикаторе вспыхивают четыре крохотных точки — это самолеты звена Гарькавого. Они приближаются к зоне, в которой находится «противник». Но где он? Спрашивать ни у кого нельзя, отвлекать штурманов наведения можно только при чрезвычайных обстоятельствах. И мы до ряби в глазах всматриваемся в круглый мерца-

ющий экран, пытаемся найти в нем ответ.

Это был хорошо рассчитанный маневр — почти идеальный в той ситуации. «Противник» оторвался от крошки облаков, спроецированных на экран в виде белых рваных контуров в тот момент, когда звено Гарькавого проходило в непосредственной близости от них. Через несколько секунд самолеты «противника» подошли к четырем истребителям вплотную и на какое-то время почти слились с ними на экране. Мы догадывались, что именно сейчас где-то там, далеко в небе, над безликой тысячекilометровой пустыней решается исход воздушного боя.

Рассказ гвардии старшего лейтенанта Виктора Гарькавого:

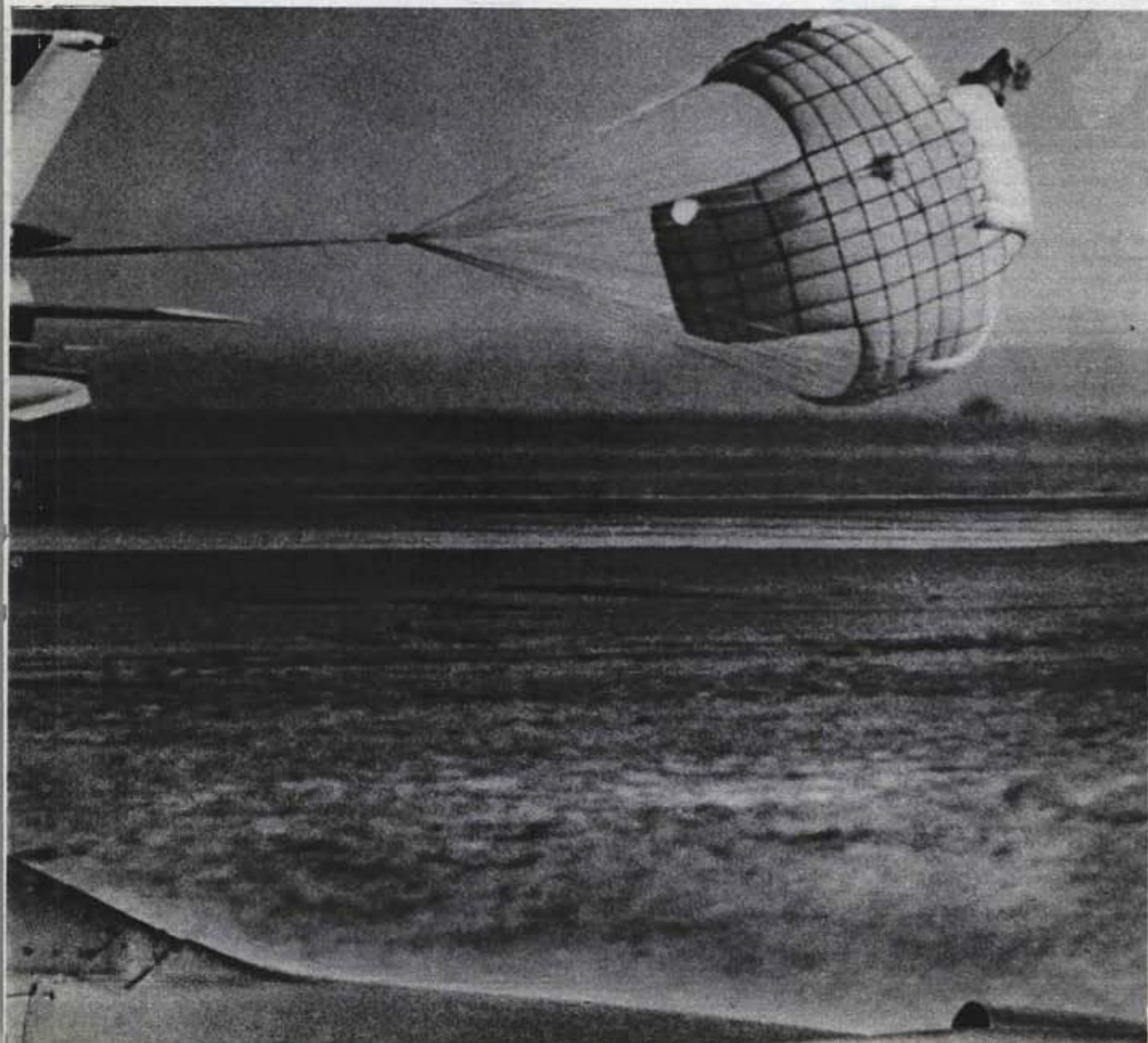
— Когда я увидел в зоне нашего поиска облачность, то решил на всякий случай не входить в нее, а обойти вдоль крошки. Я просто поставил себя на место «противника» и понял, что лучше всего атаковать нас, внезапно выйдя из облаков. И действительно, через несколько секунд услышал голос Богдана, первым увидевшего их самолеты слева от нас. Я крикнул Богдану, чтобы он остался на прежнем курсе, а сам пошел на левый боевой разворот, рассчитав, что успею зайти в хвост «противнику» прежде, чем он обстреляет Богуславаца. Главное, чтобы тот держался плотнее к ведущему; отстанет — значит подарит «противнику» лишний шанс. Но вижу, что Анатолий «стоит» рядом со Сподарко, и успокоился.

В общем, в результате маневра теперь уже мы с Березиным оказались со стороны облаков и заходили «противнику» в хвост. Но они поняли нашу идею и не познались за Сподарко, а резко ушли вниз. Пожалуй, это было единственно правильное решение, потому что мы уже почти висели на их хвостах. Тогда мы перестроились и тоже пошли за ними вниз; не хотели отдавать инициативу боя. Правда, внизу им было легче маневрировать, камуфляж позволял их машинам почти слиться с землей.

— Отстанем! — кричу Богдану. — Они все равно пойдут на «горку» для атаки.

Так мы и сделали. Оставшись на высоте, мы сохранили за собой возможность маневрировать. И вдруг я вижу «девятку», отваливающую вправо и выполняющую «косую петлю». А тем временем еще один их самолет идет на «левую». Теперь уже они пытались зайти нам в спину. «Нет, — думаю, — этот номер не пройдет». И команду Богдану, чтобы он немного сбросил скорость, а потом «вцепился» в левый самолет. А сам иду за «девяткой». У меня было преимущество в скорости и высоте, и это решило дело. Я приклеился к его хвосту и не отрывался от него за пределы видимости. На одном из разворотов он чуть не «обстрелял» Березина, потом пытался уйти в облака, но не ушел. Я успел трижды нажать спуск фотопулемета, когда мы оказались на одной прямой. В общем, как показали проявленные фотокассеты, мы победили «противника» по очкам. Богуславец тоже набрал точных попаданий, но главное то, что он на протяжении всего боя работал со своим ведущим плечом к плечу.

...На следующий день была пятница, та самая, с которой мы начали рассказ, — день рождения Богдана Сподарко. Ему исполнилось двадцать четыре года. Гости были приглашены к четырем дня. Жена Богдана Ира и десятимесячный Игорек приоделись по случаю торжества и вышли на улицу встретить гостей. Они не знали, что ждать предстоит долго, потому что в четыре часа все звено Гарькавого внезапно было поднято в воздух для перехвата учебной цели.

Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством; развити-

Вегу найти на небе очень легко. Выйдите вечером часов в одиннадцать из дома и увидите над головой самую яркую и самую красивую звезду—это и есть голубая, горячая Вега...

Высокая, стройная девушка удивительно приятным голосом рассказывает посетителям Московского планетария о строении Вселенной, делится с ними своими знаниями о тайнах мироздания. У девочки, сидящей в первом ряду на маминых коленях, широко раскрыты глаза.

— А это—созвездие Ориона, небесного охотника. Рядом созвездие Большого Пса. Какой же охотник охотится без собаки, правда?

— Правда,—кивает девочка.

— На кого же охотится наш охотник? А на быка. Вот оно, созвездие небесного быка—Тельца.

Взрослые и дети послушно следуют взглядом за медленно проплывающими по «небосводу» светящимися точками «звезд», и воображение их пытается нарисовать облик этого загадочного зверя.

— А это, товарищи,—продолжает экскурсию Лена Жаринова,—обломок Сихотэ-Алинского метеорита. Вес его—сорок два килограмма четыреста восемьдесят пять граммов.—Она дотрагивается ладонью до черного, необычной формы камня.—Это настоящее чудо. Ведь перед нами осколок далекой планеты. Миллионы лет, быть может, летал в космосе этот свидетель космической катастрофы, пока 12 февраля 1947 года не достиг Земли, упав в район хребта Сихотэ-Алинь. Миллионы лет и миллиарды километров... Я вам советую дотронуться до него...

Лена Жаринова еще в школе поняла, что для нее нет ничего интереснее астрономии. В одном этом слове заключен целый мир: тут и химия, и физика, и

К ТАЙНАМ МИРОЗДАНИЯ.

математика, и философия... А сколько хранит она загадок и тайн? А сколько совершается открытий! Вселенная притягивает, манит человека. Она обещает ему массу неожиданностей. И потому не одно тысячелетие взоры человечества устремляются в бесконечный простор звездного неба...

...В десятом классе школы с физико-математическим уклоном преподаватель вывел Лене за год четверку по физике. И все равно она была горда: только две девочки в классе получили четыре, пять—никто. Мама же, сама педагог, радовалась не столько отметке, сколько тому особому отношению к предмету, за которым она угадывала серьезную увлеченность дочери.

Точные науки всегда притягивали Лену своим рационализмом, красотой, надежностью и основательностью. Смысл явлений, заключенный в бесстрастные формулировки, казался ей простым и понятным. Правда, не всегда удавалось прийти к этой простоте сразу.

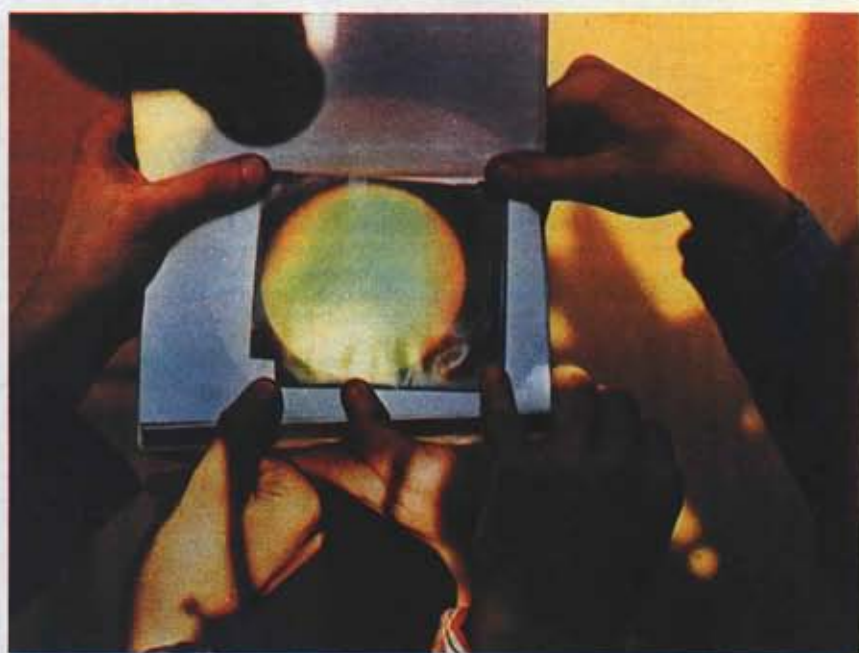
Близился день, когда для Лены и для ее одноклассников должен был прозвучать последний школьный звонок. Все чаще задумывалась она о выборе жизненного пути. Однажды в двухдневном походе по Подмосковию десятиклассники остановились на ночлег на колхозном сеновале. Лена лежала в душистом сене и смотрела на Полярную звезду, вокруг которой вели свой неторопливый хоровод звезды. Безграничное, прекрасное небо развернулось перед ней, загадочное, как сказка. Подружка, которой тоже не спалось, толкнула в бок: «Лен, а Лен? Вчера на танцах видела... этого... как его?.. Ну, помнишь, у нас в восьмом классе учились? Спрашивал о тебе... Лен, ну спустишься ты на землю, Ле-на?!» Она молчала,

ВЫБОР ФОРМУЛЫ

Юрий ТЕШКИН.
Фото Альберта ПЕХМУСА

ем заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и других льгот учащимся и студентам; бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; развитием системы профессиональной ориентации и созданием условий для самообразования трудящихся.

Из проекта Конституции СССР

«ЕСТЬ ЛИ ПЯТНА НА СОЛНЦЕ?»

смотрела на Полярную звезду, на темно-синий небосвод над головой и мечтала о том, что когда-нибудь обязательно узнает все, что накопило человечество об этом вечном чуде.

После уроков она спешила в библиотеку, занимала место за крайним столиком возле окна: поближе к небу! Прочитывала книгу за книгой по астрономии, до усталости, до гула в голове. А в душе ощущение полета: так необъятен океан знаний! Взглянет в окно—там бездонное, бесконечное, черное небо. Мерцают звезды, луна бежит в облаках. И вечное это движение словно подгоняет: «Не теряй времени, учись, читай, думай, стремись к намеченной цели!»

Окончив школу, Лена поступила в педагогический институт на физический факультет. Упорно занималась физикой, ходила в гимнастическую секцию в Лужники. Гимнастика стала отдушиной, прибавляла сил, бодрости. Тренер был доволен Лениными успехами—она вплотную подошла к первому разряду. Но когда начала всерьез заниматься астрономией, гимнастику пришлось оставить—времени не хватало.

Студенческая жизнь летела, как прежде школьная: зачеты, экзамены, дни и вечера в библиотеке, в институтских лабораториях. А еще—театр, кино, выставки. Сейчас кажется удивительным: как успевала? Объяснение у Лены простое: успевала потому, что не было еще настоящего дела, требующего всех сил, всей твоей жизни. Учеба в институте—все-таки это пора, когда человек больше берет у общества, чем отдает. Государство предоставило ей, как и каждому молодому человеку нашей страны, прекрасную возможность учиться, пробовать себя, выбирать профес-

сию, соответствующую ее призванию. От нее требовали еще так мало: только учись, становись на ноги. Стране с ее всевозрастающими темпами развития экономики и культуры нужны высококвалифицированные специалисты—ведь это им претворять в жизнь грандиозные планы десятой и будущих пятилеток. Вот и получается, что овладевать знаниями—это не только закрепленное Конституцией за каждым советским человеком право, но и его обязанность перед страной и обществом. Лена отлично сознавала, что ее студенческая жизнь—это еще не полная отдача, и для того, чтобы воздать обществу хотя бы часть труда многих людей, благодаря которым она, Лена, имела эту прекрасную возможность учиться и выбирать профессию,—выбор должен быть безошибочен.

Все больше влекла ее к себе астрономия. Однажды, открыв книгу о малых планетах—астероидах, она прочитала: «Некоторые астероиды названы женскими именами. Среди них планеты Анна, Мария, Елена...» Ей показалось символическим, что где-то в космосе летает маленькая планетка с ее именем.

Теперь после занятий в институте она пропадала в планетарии. Все прежние увлечения были оставлены. Пожалуй, единственное, на что позволяла себе тратить время, помимо занятий,—книги.

На пятом курсе Лена стала преподавать, как и мечтала, астрономию в десятых классах. С задних парт на нее насмешливо поглядывали юноши с усиками и бачками. Ненамного моложе Лены, они поначалу не видели в ней учителя и были готовы превратить урок в дискуссию на какую угодно тему. К домашним заданиям относились с прохладцей, на замечания пожимали плечами: «А что? Астрономия—необязательный предмет!» Ей было трудно, казалось порой, что никогда не сумеет она преодолеть пассивность класса, лень.

нежелание учиться, знать предмет. Но со свойственными ей энергией и упорством она проводила урок за уроком, вкладывая в каждый все свои знания и всю любовь к астрономии, которой посвятила жизнь. Лена понимала, что одна только теория не заинтересует ребят. Не раз и не два приводила она их на астрономическую площадку Московского планетария, рассказывала им о созвездии Близнецов, об открытии Крабовидной туманности, о голубом брильянте ночного неба—звезде Сириус, на которую древние римляне смотрели со страхом, так как существовало поверье, что появление этой звезды на небе приносит большие несчастья. Она посвящала их в историю великих открытий и учила находить созвездия в вечернем небе. К концу года ее десятиклассники уже сами просили провести внеурочные занятия в планетарии. Вот вам и «необязательный предмет»!

...В фойе планетария просторно и прохладно. Через цветные витражи окон со старинными изображениями созвездий Водолея, Козерога, Стрельца льется солнечный свет. Огромные глобусы Земли и Луны, старинные бронзовые астрономические приборы, портреты великих астрономов Коперника, Ньютона, Галилея... Точно к началу лекции появляется Лена. Входит легко, стремительно, с улыбкой. Посетители—люди разного возраста. Многие с детьми. Иные и приходят сюда только ради детей. А смотришь—в конце экскурсии уже и сам солидный родитель с удовольствием пытается уместиться обеими ногами на полоске Московского меридиана или спорит с Леной, что солнечные часы на несколько секунд отстают от его пылевлагонепроницаемых...

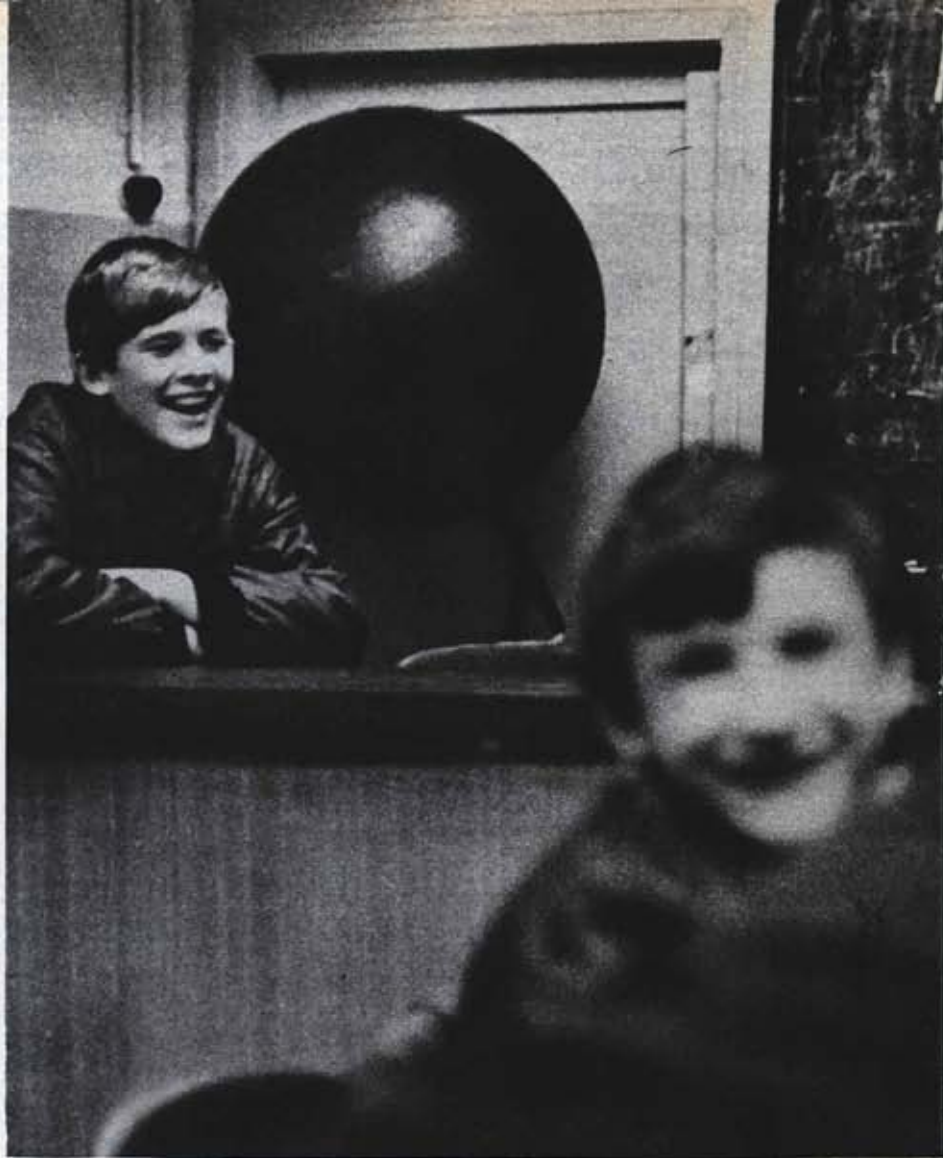
После лекции она спешит на астрономическую площадку: там в observa-

тории члены астрономических кружков, уже много лет существующих при Московском планетарии, «ловят» Солнце. Подойдя к ребятам, останавливается в сторонке, слушает, как толково Сережа Кашинский объясняет посетителем, по очереди заглядывающим в телескоп—«пятидюймовик»:

— Видите слева большое пятно на Солнце? Это довольно странное пятно—уже несколько дней оно не исчезает и не меняет формы. Мы ведем за ним круглосуточное наблюдение...

Ее кружковцы... В планетарии считают, что с приходом Лены Жариновой в кружковую работу влилась свежая струя. В кружках появились астрономические приборы, которые раньше пылились на складе, потому что их просто боялись доверить детям. Теперь они работают с настоящим телескопом, ведут наблюдения. С каким упоением рассказывают они дома о своих занятиях в кружке, зубрят физику и математику, а уж об астрономии и говорить нечего!

Лене очень хочется, чтобы не на словах, а на деле планетарий стал для ребят родным домом. Поэтому, например, она с таким упорством добивалась для них пропусков в планетарий. До этого кружковец, спешащий на занятия откуда-нибудь из Балашихи или Мытищ, меняющий электричку на метро, а метро на троллейбус, встречал непреодолимую преграду в лице вахтера и отступал, поджидая основную группу с руководителем. Теперь он говорит вахтеру «Здравствуйте!», гордо показывает удостоверение (настоящее, с фотографией!) и беспрепятственно проходит в свою сороковую аудиторию под завистливые взгляды таких же мальчишек и девчонок, стоящих в кассу за билетом. Там, в сороковой, кружковцы обсуждают проблемы, связанные с наблюдени-

ИДУТ ЗАНЯТИЯ В АСТРОНОМИЧЕСКОМ КРУЖКЕ МОСКОВСКОГО ПЛАНЕТАРИЯ.

ем астероидов и поисками метеоритных кратеров, спорят о преимуществе той или иной аппаратуры для фотографирования Солнца, знакомятся с приборами для наблюдения лунных и солнечных затмений. И, наконец, что тоже очень важно, ребята приходят сюда не только на занятия, а порой просто так: увидеться, поговорить—настолько творческая и доброжелательная атмосфера царит в кружках.

Когда трое ребят из ее группы вышли победителями городской астрономической олимпиады и получили путевки на Всесоюзный слет юных астрономов, она, отправив их с Курского вокзала в далекий Азербайджан, еще несколько дней чувствовала себя именинницей.

Наконец, они вернулись, ее кружковцы, из Шемахинской обсерватории, где проходил слет, и вместе с первым призом привезли ей знаменитые шемахинские цветы! Не помня себя от счастья, Лена вбежала в сороковую аудиторию, где ребята, окружив троицу вернувшихся, тормошили и расспрашивали их о слете.

— Ну, рассказывай, Дима,—она перевела дыхание, присела напротив,—как открыл комету?

Дима Фомин, гордый и немного смущенный таким вниманием, говорил: — Я не один, мы ее открыли одновременно с парнем из Вильнюса.

— Что, так оба одновременно и закричали: «Ура! Открыли!»?

— Да ничего мы не кричали,— снисходительно улыбается Дима.— Дали телеграмму в Киев, в Центр по изучению комет. Оттуда подтверждение пришло. Корреспондентов сразу понаехало, устал рассказывать. В общем, первый приз...

Лена слушает, как прилежная ученица,— вся внимание.

— ...Первый приз— атлас звездного неба в трех томах.

— Вот это да!— вырывается у нее.

— В атласе все звезды до одиннадцатой величины! Как жаль, что вы не были с нами! Там такое небо, там та-а-кие звезды!

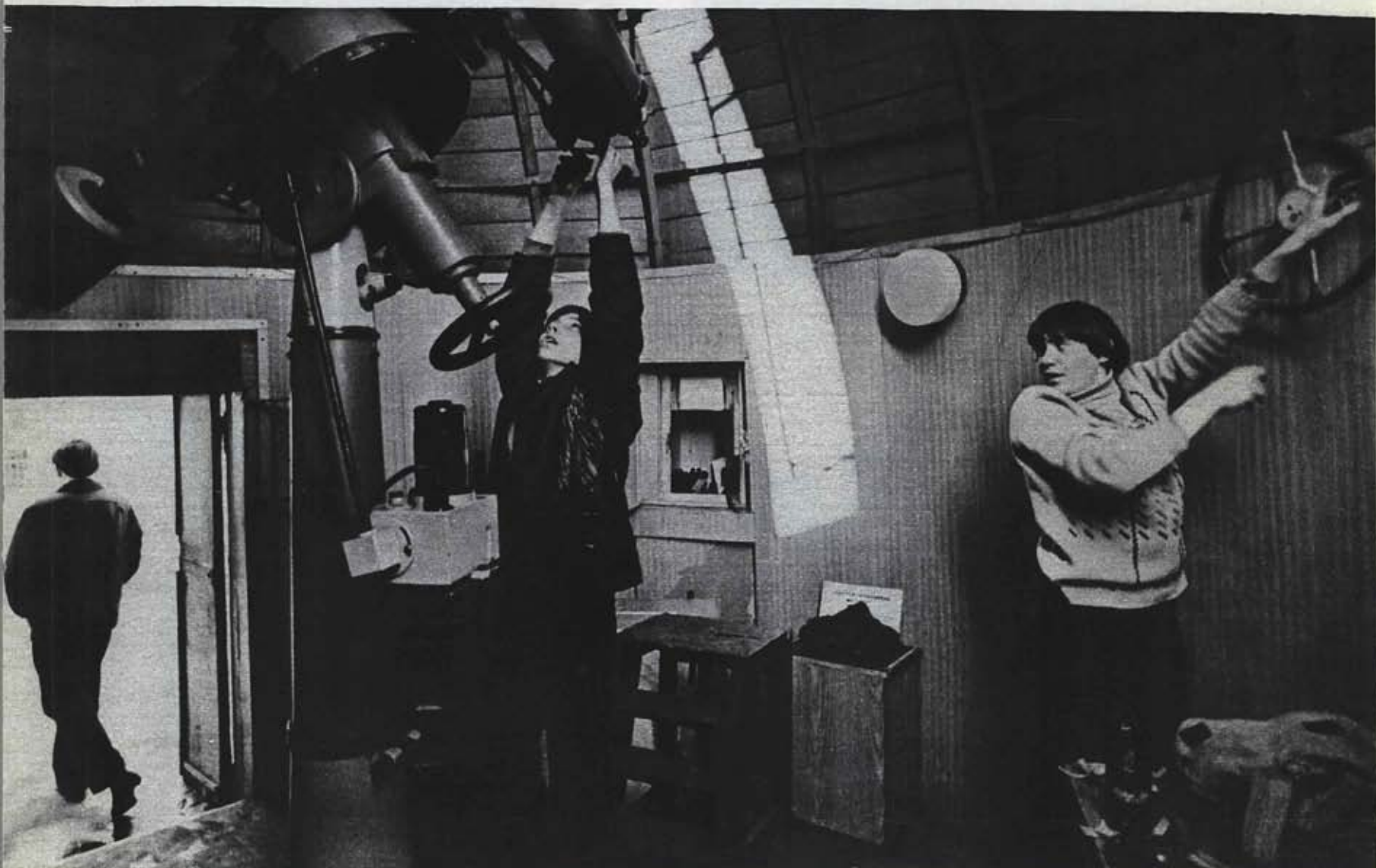
— Ничего,— улыбается Лена,— как-нибудь в другой раз.

Цветы из Шемахи стоят у нее на столе. Они странной формы, колючие. Один голубой, другой палевый. Изредка она дотрагивается до них— приятно: ребята везли для нее!

Когда я однажды в конце очередной беседы спросил Лену, чем же дорога для нее профессия, она ответила:

— У каждого из нас— своя жизнь, свой путь, но все мы живем среди людей. Я люблю, когда они приходят сюда, в планетарий. И всегда говорю им: «Посмотрите, мир вокруг нас огромен и прекрасен. И если человек сумел покорить космическое пространство, то в его силах сделать еще прекраснее нашу Землю». Пусть мне придется рассказывать экскурсантам почти одно и то же по нескольку раз в день, говоря о звездах, о Сихотэ-Алинском метеорите, пусть! Ведь он действительно чудо! Но мне приятно видеть, что все увиденное и услышанное как-то коснулось людей, и, уходя, они уже не просто вежливо благодарят, а и в самом деле становятся немножечко другими— лучшими, чем были.

А больше, кажется, ничего и не надо...

Граждане СССР имеют право на отдых.

Это право обеспечивается 41-часовой рабочей неделей для рабочих и служащих и сокращенным рабочим днем для ряда профессий и производств, сокращенной продолжительностью работы в ночное время; предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков, дней еженедельного отдыха, а также расширением сети культурно-просветительных и оздо-

Одним из первых шагов Советской власти стало установление в нашей стране самой короткой в мире рабочей недели. Еще в годы первых пятилеток был осуществлен переход на семичасовой рабочий день. Предвоенная грозная обстановка помешала тогда законодательно закрепить это завоевание социализма... Но уже в 60-х годах трудящиеся нашей страны перешли на шести- и семичасовой рабочий день с установлением 41-часовой рабочей недели, которая сейчас закрепляется новой Конституцией.

Наше общество в своем развитии приближается к той грани, когда мерилом общественного богатства, говоря словами Карла Маркса, будет уже

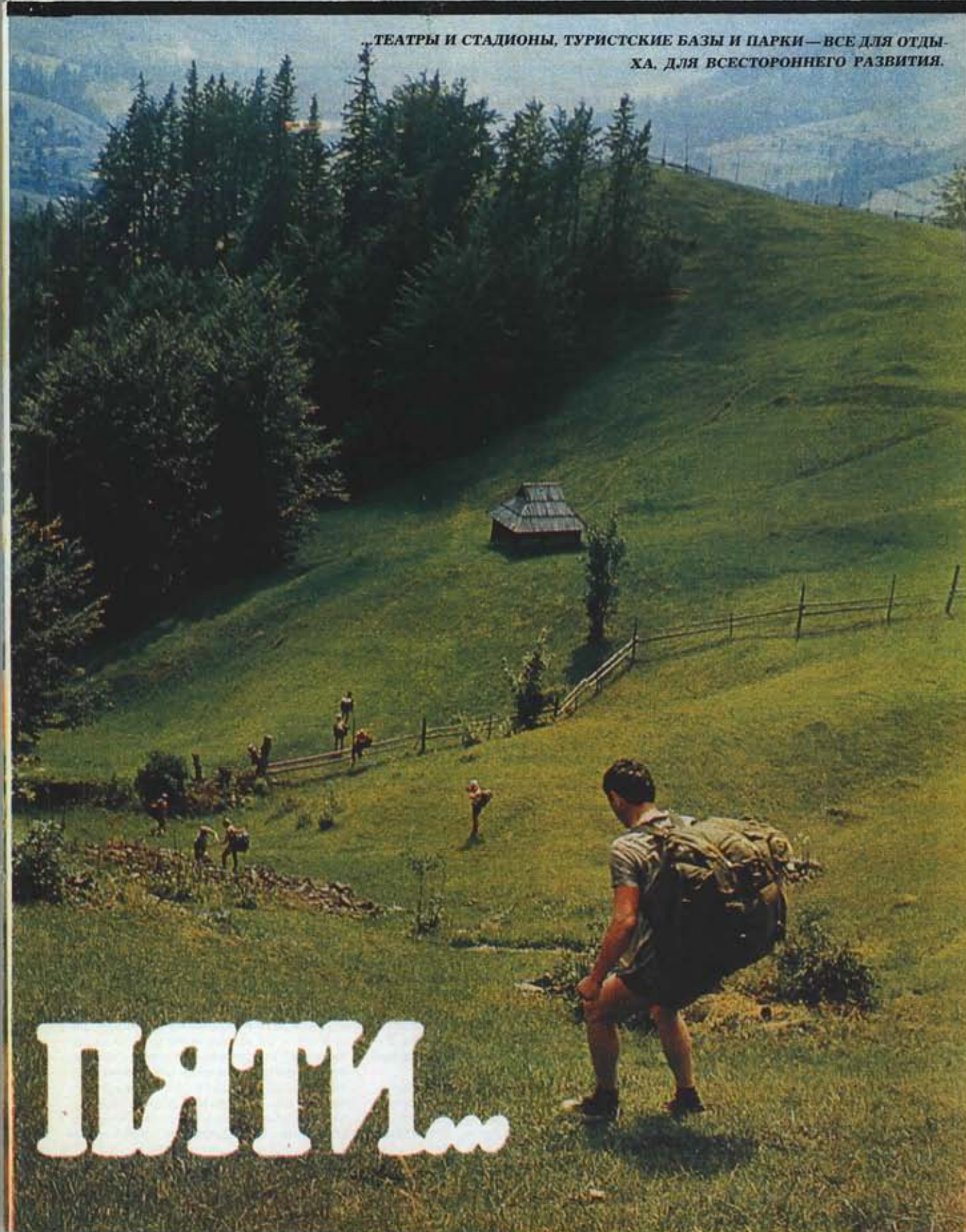
ВЕЧЕРОМ, ПОСЛЕ

ровительных учреждений, развитием массового спорта, физической культуры и туризма; созданием благоприятных возможностей для отдыха по месту жительства и других условий рационального использования свободного времени.

Продолжительность рабочего времени и отдыха колхозников регулируется уставами колхозов.

Из проекта Конституции СССР

ТЕАТРЫ И СТАДИОНЫ, ТУРИСТСКИЕ БАЗЫ И ПАРКИ — ВСЕ ДЛЯ ОТДЫХА, ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ.

ПЯТИ...

не рабочее, а свободное время, которое и используется для овладения новыми знаниями, для всестороннего духовного развития, для наилучшего применения творческих способностей и в итоге для подготовки к высокопроизводительному труду на благо общества.

Два свободных дня в неделю, а всего более ста выходных дней ежегодно у каждого из наших трудящихся — это действительно целое богатство. А сколько еще свободных дней в году у молодого человека, если к этому прибавить свободные часы после работы и ежегодный отпуск или каникулы, льготы, предоставленные рабочему-подростку!

За годы Советской власти объем свободного времени трудящихся возрос настолько, что стал — впервые в истории человечества — примерно равным годовому фонду рабочего времени.

«Социализм, — подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, — дал советскому человеку достаточно свободного времени для отдыха, повышения образования и общей культуры, для укрепления здоровья и физического развития, для воспитания детей и для других полезных дел».

Государство, партия, профсоюзы, комсомол, спортивные организации и учреждения культуры прилагают много усилий, чтобы досуг молодежи был использован для духовного и физического развития.

Для этого есть немало возможностей. Из года в год укрепляется база культурно-массовой работы, расширяются возможности для занятий физической культурой и спортом. Растут государственные затраты для этой цели.

СКОЛЬКО СТОИТ ЛЕТНИЙ ОТДЫХ?..

Такой вопрос часто задают нам иностранцы. Наши же молодые люди нередко, получая льготную либо бесплатную путевку, не задумываются над тем, во что обходится государству их отдых.

Но вот статистика. Только двадцать процентов путевок отпускники получают за полную стоимость, столько же — бесплатно, а остальные — за 30 процентов стоимости. Иными словами, 24-дневный отдых с полным обеспечением (жилье, питание, лечение) обходится в 36 рублей.

Бесплатна каждая десятая путевка в пансионаты и дома отдыха, на льготных условиях продаются «семейные»

путевки (на 2—4 человека). 12-дневный отдых семье из четырех человек будет стоить всего 40—50 рублей. Бесплатно или за половину стоимости получают рабочие и путевки в санатории-профилактории. Чисто символическими представляются цены путевок в пионерские лагеря (8—10 рублей за 21 день), заводские дома отдыха (7 рублей за 12 дней), пансионаты (22 рубля за 16 дней).

Все советские санатории и пансионаты переданы в полное распоряжение профсоюзов, включивших в свой бюджет расходы на их внедрение — за последние десять лет они составили свыше двух миллиардов рублей. Штабы профсоюзной «индустрии отдыха» огромны: только в нынешнем году на лечение и отдыхе в 950 санаториях, пансионатах и домах отдыха побывают около девяти миллионов человек — на 200 тысяч больше, чем в прошлом. Кроме того, смогут получить медицинские консультации и пройти курс лечения не менее полумиллиона отпускников, приезжающих без путевок.

Расширяется и география профсоюзных курортов — теперь можно отдохнуть не только на побережье Черного и Балтийского морей, но и на Алтае и в Забайкалье, на Урале и на Азовском море. Чтобы пройти курс лечения, не обязательно уезжать из своего родного города — в 2069 санаториях-профилакториях предприятий это смогут сделать два миллиона человек одновременно.

Еще более внушительны масштабы туризма. 26 миллионов — такова «пропускная способность» централизованных баз и кемпингов профсоюзов. Более 10 миллионов человек смогут отдохнуть на заводских базах отдыха, в домах охотника и рыболова.

Почти треть всех мест в санаториях, а также 240 домов отдыха, 645 туристических баз рассчитаны на отдых семьями. Более десяти миллионов детей отдохнут в пионерских лагерях.

Не забыты и «дикари». Их расходы на отдых также значительно меньше, чем в других странах, хотя бы потому, что в СССР дешевле стоимость транспорта, а также бензина, что важно для автотуристов. В их распоряжении пляжи и красивейшие зоны отдыха. Пользоваться ими можно бесплатно или за столь низкую стоимость, что она даже не принимается в расчет ни в одном семейном бюджете...

Но сколько же стоит отдых на самом деле? Только строительство новых зданий санаториев и домов отдыха за

прошедшее пятилетие обошлось почти в полтора миллиарда рублей, а оборудование — в 800 миллионов. И это не считая оплаты 200-тысячного персонала санаториев и домов отдыха, ремонта зданий, доплат за льготные и бесплатные путевки. Государство и профсоюзы сознательно идут на такие затраты, гарантируя тем самым конституционное право советских граждан на отдых.

ПРЕДЛАГАЕТ «СПУТНИК»

Какой молодой человек не мечтает побывать в дальних странах, посмотреть мир, познакомиться с жизнью других народов? Осуществить это желание он может с помощью Бюро международного молодежного туризма «Спутник». За двадцать лет своего существования «Спутник» завоевал широкую популярность. В этом году услугами Бюро воспользуются свыше двух миллионов человек, общее число внутрисоюзных и зарубежных туристских маршрутов составит две с половиной тысячи.

Разумеется, деятельность такой крупной туристской организации требует больших материальных средств. И они у «Спутника» есть. В проекте Конституции СССР сказано, что социалистическая собственность включает, в частности, собственность профсоюзных и иных общественных организаций. Это относится и к «Спутнику» — общественной организации советской молодежи. Как сказал председатель Бюро международного молодежного туризма Борис Рогатин, сегодня ни одна туристская молодежная организация мира не имеет такой материальной базы, какой располагает «Спутник». Только в текущем году база молодежного туризма пополнилась такими комплексами, как гостиница «Орленок» в Москве, Дворец молодежи в Ленинграде, Дома молодежи в Волгограде, Казани, международными лагерями в Домбае общей численностью более пяти тысяч мест. План капитального строительства на 1976—1980 годы предусматривает значительное расширение семи действующих международных молодежных лагерей. Расширяется география туристских баз. Проектируются гостиницы на 300—500 мест в Иркутске, Бухаре, Ленинграде, Ворошиловграде, Львове, Бресте...

К 1980 году предполагается увеличить общую вместимость молодежных лагерей и гостиниц до 10400 мест. Путешествия, которые организует

«Спутник», как говорится, вполне по карману молодым людям. Расходы их на отдых полностью или частично берут на себя те предприятия, организации и учебные заведения, где они работают или учатся. Разницу между номинальной и реальной стоимостью путевок доплачивает «Спутник». Один пример. Поездка по США стоит фактически три тысячи рублей, в то время как молодой человек платит за нее 350—400 рублей.

В текущем году семь с половиной тысяч строителей БАМа, КамАЗа, Усть-Илима, победители «Жатвы-76» с Кубани, Украины, из Казахстана, хлопкоробы республик Средней Азии, животноводы Прибалтики и Молдавии будут награждены бесплатными туристскими путевками за свой ударный труд. Они поедут за рубеж.

Не менее увлекательные путешествия предлагает «Спутник» и по нашей стране. Специализированные поезда отправятся на Байкал, в Прибалтику, в города-герои... В прошлом году было организовано 60 таких поездов.

Постоянно развивающееся Бюро молодежного туризма поистине стало спутником молодежи, помогая ей интересно и содержательно отдыхать.

ВСЯ СТРАНА НА СТАДИОНЕ

Признанием огромных заслуг Советского Союза в развитии спорта было решение Международного Олимпийского комитета о проведении Олимпиады 1980 года в Москве.

Достижения наших олимпийцев, разумеется, не выросли на пустом месте. Каждый спортивный успех — это закономерное следствие широкого развития всего нашего физкультурного движения, главный девиз которого — массовость и мастерство. И сегодня наши добровольные спортивные

принимает наша страна Основной Закон. Но впервые в Конституции предполагается сказать о роли физической культуры и спорта в деле коммунистического строительства.

СВЕТ РАМПЫ—ДЛЯ ВСЕХ!

«Нет ли лишнего билетика?»—такой вопрос нередко можно услышать не только у театрального подъезда, но даже в вестибюле метро. Потому что театр в нашей стране пользуется давней и поистине всенародной любовью. И у каждого театра—свой зритель, как правило, весьма искушенный в театральном искусстве.

Эта образованность зрителя в значительной мере объясняется тем, что в нашей стране—единственной в мире—существует широкая сеть театров для детей. Из 573 советских театров 49—театры юного зрителя и 111—театры кукол. Здесь дети и подростки проходят полный курс эстетического образования, открывая для себя высокие нравственные ценности и постигая суть прекрасного.

Ни в одной стране мира нет такого количества театров. Немаловажно и то, что цены на театральные билеты у нас намного ниже, чем в любой капиталистической стране.

У советского театра есть еще одна важная особенность. Кроме профессиональных коллективов, у нас популярны и многие самодеятельные, лучшие из которых удостоены звания народных театров.

В течение года в стране продается примерно 115 миллионов театральных билетов. Но эта цифра не дает полного представления о числе зрителей. Потому что в большинстве наших театров широко развито шефство над заводами, фабриками, колхозами и совхозами... Шефские театральные бригады выезжают прямо на предприятия и выступают там, показывая свои лучшие спектакли совершенно бесплатно.

Итак, театр вполне доступен для советских людей. А ведь, кроме театра, есть еще кино, музеи, концертные залы, клубы. Достаточно сказать, что в городах и селах страны работает 154 тысячи киноустановок, ежегодное число посещений кинозалов превышает четыре миллиарда. В 1300 музеях страны в прошлом году побывало 135 миллионов человек. Население обслуживает более 135 тысяч клубных учреждений. Свыше 800 тысяч кружков и коллективов художественной самодеятельности объединяют 15 миллионов любителей.

Все это помогает людям выявить и развить свои способности, расширить и углубить круг своих интересов, ощутить жизнь во всей ее полноте и разнообразии. Словом, у советских людей есть богатые возможности осуществить на деле право на пользование достижениями культуры. Это право, как записано в проекте Конституции, «обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах; развитием и равномерным размещением культурно-просветительных учреждений на территории страны; расширением культурного обмена с зарубежными государствами».

УМЕЕТ ЛИ МОЛОДЕЖЬ ОТДЫХАТЬ?

Многочисленные социологические исследования отвечают на этот вопрос неоднозначно.

По оценкам специалистов, работающая молодежь расходует на учебу, повышение профессионального уровня не менее трети своего свободного времени. В итоге в Советском Союзе, как о том свидетельствует сравнительное международное исследование бюджетов времени, доля людей, совмещающих труд с учебой, в 3—6 раз больше, чем в экономически развитых буржуазных государствах.

Такая тенденция дает результаты, значение которых трудно переоценить: сегодня в СССР 85 из каждых ста работающих молодых людей имеют высшее и среднее образование. А в промышленности этот процент еще выше—94.

Однако исследования и письма читателей говорят и о другом. Нередко свободное время тратится бессмысленно, впустую, а иногда оборачивается прямым ущербом для самого человека и для общества.

«Поведение человека в быту—это не только его личное дело,—подчеркивает Л. И. Брежнев.—Свободное время—это не время, свободное от ответственности перед обществом».

Безделье и праздность не только пустое времяпрепровождение. Это первый шаг на пути пренебрежения своими и общественными интересами, за которыми могут последовать и антиобщественные проявления. Об этом шла речь на заседании постоянной комиссии по делам молодежи Верховного Совета СССР, обсуждавших проблемы свободного времени работающей молодежи. На этом заседа-

нии было принято соответствующее постановление. Министерство культуры СССР должно более эффективно использовать клубы, парки, библиотеки, музеи. Государственным комитетам, занимающимся телевидением, кино, изданием книг, депутаты рекомендовали улучшить качество телепередач и кинофильмов для молодежи, увеличить для нее выпуск книг.

Разумное использование свободного времени—дело весьма не простое. Эта проблема имеет две стороны. Первая—наличие выбора средств развития личности в часы досуга. Вторая—умение человека воспользоваться этими средствами, его способность к организации отдыха, потребность в содержательных формах досуга. Отдыхать, как и работать, надо уметь. Настоящее приобщение к настоящей культуре—это труд. Серьезный и глубокий труд, требующий и соответствующей подготовки и определенного настроения. Не все к такому труду готовы морально, и нередко люди, особенно молодые, волюн или неволю выбирают себе «что попроще»—легкую музыку вместо «скупных» симфоний, детективы вместо классики, болельщицкие страсти на трибунах вместо участия в спортивной борьбе на зеленых полях или дорожках стадионов.

Переломить вот такое потребительское отношение к свободному времени—одна из сложных задач воспитания.

«Между словами «образование» и «воспитание» уже нельзя ставить союз «и». Эти слова должны всегда быть вместе»,—заметил как-то композитор Дмитрий Кабалевский.

Перед комсомольскими комитетами в этом плане широкое поле деятельности. Как сделать каждого не иждивенцем-потребителем, а создателем и активным организатором своего свободного времени? Каковы наиболее эффективные формы этой работы? Как бороться с проявлением негативных явлений так называемой «антикультуры»?

Эти вопросы не новы. Но с новой силой звучат в связи с обсуждением проекта Конституции. Конституционное право на отдых—это прежде всего право рационально использовать свободное время, распылять же его во имя случайных, хаотичных, мимолетных прихотей, убогих целей—преступление перед обществом.

Материалы подборки подготовили Владимир МЫТАРЕВ, Владимир АНДРИАНОВ, Владимир ЛУЦКИЙ.

Граждане СССР имеют право на охрану здоровья. Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья

В истории, которую мы расскажем, приняли участие десятки людей. Большинство из них не были и вряд ли будут когда-либо знакомы друг с другом, что вполне естественно: они живут в разных странах. Но есть в нашей жизни мгновения, когда люди приходят на помощь попавшему в беду человеку уже только потому, что они люди и их высший долг — в милосердии к другим. Так в тот день сложились обстоятельства, что мысли и поступки людей, говорящих на трех разных языках, были подчинены одной цели. И от каждого из них в какой-то момент зависело спасение жизни человека.

Питер Альтхаус позвонил где-то около трех.

— Привэт,— прокричал он,— это Альтхаус из Берлинского центра трансплантации!— Он мог бы и не представляться. Левицкий без труда узнавал голос своего немецкого коллеги по характерному «привэт».— Мы имеем почку, очень хорошую почку...

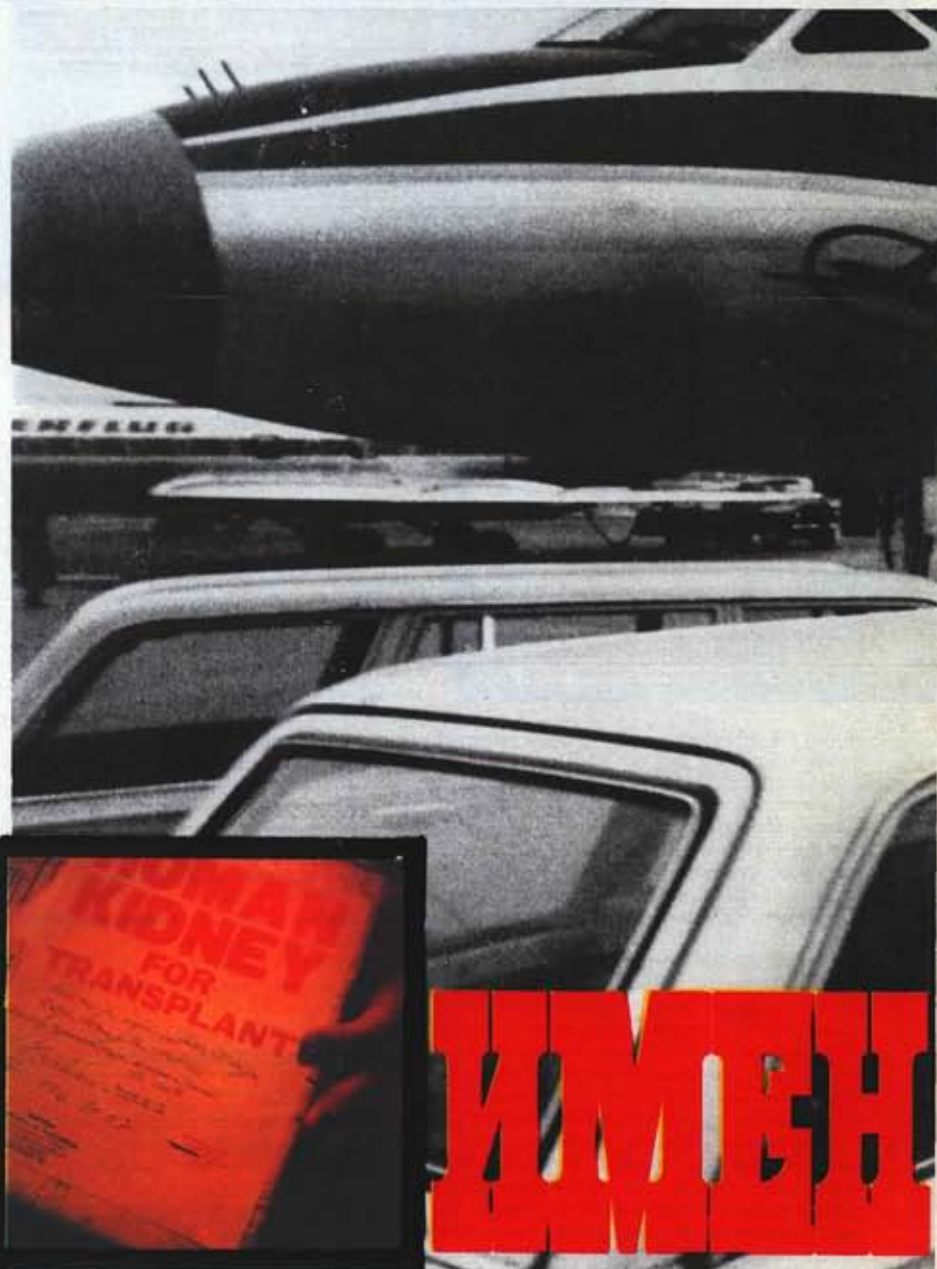
Левицкий отодвинул чашку с кофе и непроизвольно встал из-за стола.

— Да, да, я слушаю, Питер...

В Москве в тот день резко поднялось давление. А когда это случается, у врачей много работы, особенно у тех, кто имеет дело с тяжелыми больными. В отделении пересадки почек Института трансплантации органов и тканей, которым руководит Эдгар Робертович Левицкий, легких больных не бывает; уж если кто-то попал сюда, значит, здоровье его было настолько подорвано, что спасти больного могло лишь «вживление» в его организм новой почки. Как правило, эти больные — и уже перенесшие операцию и те, кому она еще предстояла,— чувствуют себя особенно плохо в те дни, когда происходит перепад атмосферного давления. Ибо почти у всех у них на фоне почечной недостаточности со временем появляются заболевания сердечно-сосудистой системы, гипертония, атеросклероз. Поэтому все врачи отделения пересадки почек с самого утра работали как заведенные, разрываясь между перевязочной, палатами и центром гемодиализа.

К трем часам, наконец, напряжение спало, выдалось несколько свободных минут, и Левицкий объявил «перекур». Это означало, что можно «заправиться». «Заправлялись» врачи домашними

СЧЕТ ВРЕМЕНИ ШЕЛ НА СЕКУНДЫ.

ВОТ ОН, БЕРЛИНСКИЙ КОНТЕЙНЕР!

СЕЙЧАС НАЧНЕТСЯ САМОЕ СЛОЖНОЕ— «ВЖИВЛЕНИЕ» ТРАНСПЛАНТАТА.

бутербродами и чаем в ординаторской. А Левицкий пошел к себе выпить кофе, без которого обходиться, особенно в такие дни, не мог. И тут позвонил Альтхаус.

...— Эдгар, слышишь, мы можем послать почку в Москву самолетом. Если нужно, карашо?

— Нужно, очень нужно, Питер.

— Встречайте берлинский рейс.

— Яволь, Питер, спасибо!— Левицкий вешает трубку.

На его столе под стеклом лежит

разлинованный лист бумаги. На нем — колонкой, сверху вниз,— фамилии больных, против каждой — пометки: когда сделана пересадка, кто донор, как прижился новый орган, нужна ли повторная пересадка, состояние больного. В этом списке немало иностранных фамилий: отделение оказывает помощь не только советским гражданам, но и больным из других стран. В связи с этим случаются и казусы.

Несколько месяцев назад в отделении была пересажена почка одному молодому греку. Орган прекрасно прижился, и юноша вернулся на родину. Но в это время в Греции объявили мобилизацию, его призвали в армию, и какой-то «мудрый» офицер приказал нашему больному «выкинуть к черту» все лекарства, выписанные парню для поддержа-

ИМЕНА

граждан; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения, запрещением детского труда; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан.

Из проекта Конституции СССР

ДЕМ МИЛОСЕРДИЯ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты «Смены».

ния жизнедеятельности почки. Не осмелившись возражать, тот выкинул и в результате оказался снова в больнице. Советские врачи вторично пересадили ему почку.

Хорошо, что такое бывает нечасто.

Так вот, в тот самый список рукой Левицкого была внесена сегодня фамилия «Мунев», а рядом поставлены две красные галочки. Это значило, что семнадцатилетнему болгарину из Габрово срочно нужна пересадка. И большой удачей было то, что Альтхаус предложил почку именно той группы, которая подходила Семеону Муневу.

Вообще-то его должны были привезти осенью, так наши хирурги договорились с болгарскими коллегами: надеялись, что он несколько месяцев проживет на диализе, а его тем временем спокойно

подготовят к операции и уж тогда привезут в Москву. Но болезнь Мунева прогрессировала, хронический нефрит с каждым днем все больше истощал организм. Семеон был вынужден прервать занятия в техникуме, лечь в больницу. Беспокоясь за его жизнь, болгарские врачи попросили руководство института ускорить операцию. Из Москвы ответили согласием. Но одно дело — хотеть спасти больного, другое — мочь. Судьба Мунева зависела от того, насколько быстро будет найдена почка, тканевая структура которой при типировании совпадет со структурой его организма. Потому что до сих пор не найдена панацея от несовместимости — этого бича трансплантации. Человеческий организм встречает в штuki любой чужеродный орган, ибо здесь действует

принцип иммунитета — защиты от всего инородного, изоляция его, уничтожение. Но если при инфекции способность организма к иммунитету — наше спасение, то при трансплантации это огромный минус. Обмануть бдительность «сторожевой системы» организма можно, лишь подобрав орган, максимально близкий по своей тканевой структуре.

Но и в этом случае нет стопроцентной гарантии, что со временем хитрость не будет разгадана и не произойдет отторжения новой почки. Поэтому тканевая совместимость — это проблема номер один. Когда будут разгаданы все ее законы, хирурги смогут заменять износившиеся или пораженные человеческие органы так же легко, как механики меняют вышедший из строя блок или деталь машины.

Но ученых заботит не только проблема совместимости. В том же ряду актуальных вопросов трансплантации стоит консервация, иными словами, временное сохранение органов. В лабораториях всего мира исследователи ищут возможности длительное время сохранять сердце и почки, любую ткань организма. Нужен определенный состав, среда, тепловой режим, в которых трансплантаты не теряли бы свою функциональную полноценность. Пока нашим ученым удалось найти раствор, продлевающий жизнь изолированных органов почти до двух суток. Немного, но это уже кое-что. Появилась возможность переправлять трансплантаты в другие города, страны, даже на другие континенты. Центры по пересадке почек разных стран могут координировать свою работу, обмени-

ваться органами. Не так давно из Москвы в Нью-Йорк была отправлена почка, благодаря которой американские врачи спасли жизнь тридцатидвухлетнему Хосе Сerrано. Он уже вышел из больницы, хорошо себя чувствует.

Муневу тоже повезло. Никто не может сказать, сколько бы пришлось ему ждать операции, не будь того телефонного звонка из Берлина.

Левицкий пересек коридор и вошел в ординаторскую. Врачи отделения пересадки почек Филипцев, Порядин и Слепцов сидели на диване и «гоняли чай». Диван этот был вдвое старше каждого из них и стоял в ординаторской со времени открытия больницы. Он был тяжел, огромен и не столь уж мягок, но выбрасывать его было жалко, как бывает жалко расставаться с реликвиями.

— Паша,— сказал Левицкий Филипцеву,— через три часа из Берлина доставят почку для Мунева. Ее надо забрать в Шереметьево.

Все трое встали с дивана.

— Будем оперировать?

— Наверное...

Он сказал «наверное», потому что не любит загадывать, мало ли что может случиться до вечера; орган еще надо довести, к тому же могло измениться состояние больного. Левицкий—опыт-

ный терапевт, он работает в области пересадки почек со дня первой их трансплантации и умеет учитывать перед операцией все приводящие факторы. А их десятки. Больного поднимут в операционный блок только после того, как Левицкий, взвесив все «за» и «против», скажет «да». Затем уже начнется чистая хирургия, область Павла Филипцева и его помощников Василия Слепцова и Николая Порядина. Обычно такие операции ведет шеф, директор института Валерий Иванович Шумаков. Блестящий экспериментатор, смелый хирург, ученик академика Б. В. Петровского, он делает на операционных столах самое сложное. Но сегодня Шумакова нет, он в командировке. Значит, главную работу будут выполнять Филипцев, Слепцов и Порядин.

Разным был их путь в хирургию. Павлу повезло, он начал оперировать в клинике почти сразу после института, учился у лучших специалистов в области трансплантации, перенимал все самое передовое, так сказать, из первых рук. У Василия Слепцова и Николая Порядина судьба сложилась труднее. Окончив институт, Слепцов поехал работать в Тюменскую область в небольшую больницу. За массой забот, которые одолевали его как участкового врача, ему редко удавалось выкроить час-дру-

гой, чтобы почитать что-нибудь по трансплантации, манившей его с третьего курса. А Слепцову очень хотелось идти в большую хирургию, идти в незанятое. И, добившись перевода под Москву, он ездил за сто километров в институтские клиники, чтобы просто постоять в операционной и посмотреть на настоящую работу. Василий все-таки попал в институт трансплантации и попал единственно благодаря своему упорству. К тому времени он уже был не новичком в хирургии, многое умел и, самое главное, хотел работать.

Воспитанник детского дома Николай Порядин окончил Ярославский медицинский институт, работал на «Скорой», затем в поликлинике. И тоже мечтал о трансплантации. Он старался не пропускать ни одной клинко-анатомической конференции в институте, ночами занимался языком и одновременно переводил иностранные журналы по интересующей его проблеме. Наконец, пошел на прием к министру: вопрос его перевода мог решить только он.

— Хотите в науку?—спросил министр, когда Порядин явился к нему с заявлением.

— Да, хочу.

Пауза продолжалась минуты две. Министр изучающе рассматривал Николая. Наверное, было в этом парне что-то

У ОПЕРАЦИОННОГО СТОЛА—ФИЛИПЦЕВ, ПОРЯДИН И СЛЕПЦОВ.

ВЫИГРАНО ЕЩЕ ОДНО СРАЖЕНИЕ.

такое, что заставило его, умудренного опытом человека, ученого, организатора, хирурга, поверить в научное будущее того, кто стоял перед ним.

— Быть по-вашему, дерзайте!

Но прежде чем дерзать, надо было многому учиться. У того же Шумакова, Левицкого, Филипцева. Быть упрямым, страстным и верным своей идее. Потому что без этого нет хирурга, нет ученого.

...Павел мог бы и не ехать в Шереметьево, а устроить себе двухчасовой отдых перед операцией, но, чтобы понять его поведение, надо хотя бы немного знать Филипцева. Он, пожалуй, самый одержимый из хирургов отделения и просто физически не может находиться в состоянии покоя больше пяти минут. А в операционной способен стоять и работать до изнеможения, другие уже на ногах не держатся, а ему вроде бы все нипочем, и владеет собой безупречно, даже в критических ситуациях. Начиная операцию, он в принципе представляет себе ее ход, все ее этапы, но редко все идет как по маслу, хирургия—это дуэль врача и болезни, бескомпромиссная,

беспощадная. В ней должен победит врач, но всякий раз эта победа дается нелегко. А бывает, что и не дается вовсе. У Павла к тридцати годам сотни сложных операций, больше, чем у кого-либо из хирургов его возраста.

Но дело даже не в счете. На мой взгляд, настоящий хирург начинается с веры в свои возможности, с умения не терять головы в самых трудных случаях, наконец, с техники рук. Иной врач может дожить до седых волос и не обрести этих качеств, он будет хорошим лекарем, но никогда не пойдет дальше других, а значит, ни на шаг не подвигнет науку борьбы за жизнь. Филипцев же все годы своей хирургической практики рвется вперед, с каждой операцией стремится уйти хоть на йоту дальше. Но при этом никакого авантюризма: точный, холодный расчет, проигрыш в уме всех возможных и невозможных вариантов. И хотя он ученый и имеет определенное право на риск, но предпочитает не рисковать. Потому что он прежде всего врач.

...В 18 часов 20 минут диктор аэропорта возвещает о прибытии берлинского самолета. Мы выезжаем прямо на аэродромное поле. С нами пограничники: таможня есть таможня. Моросит мелкий дождь. По трапу, на ходу натягивая плащи, сходят пассажиры, они улыбаются и с удивлением разглядывают нашу «Скорую», прилепившуюся к самому трапу: зачем она здесь? Вряд ли они знают, что с ними летела живая почка. Наконец появляется командир экипажа, он осторожно спускается, обхватив руками белый пенопластовый контейнер.

— Трансплантация, пошка? — кричит он Павлу, так и не снявшему белый халат. Тот кивает головой:

— Да, да.

— Просили говорить «ни пуха ни пера».

— К черту.

Мы смеемся, и немцы тоже смеются. Пограничники машут руками, дескать, обойдемся без формальностей.

Машина плавно огибает лайнер и выходит на прямую ленту дороги. Теперь эта хрупкая частица жизни, присланная в Москву из Берлина, в руках нашего водителя, ему непростительна малейшая неосторожность: резкий тормоз, крутой вираж могут повредить зажатый кристаллами льда орган. На Ленинградском шоссе шофер врубает сирену и идет по осевой. С каждой потерянной минутой трансплантат, увы, теряет свои живительные силы. Павел сидит как вкопанный, упираясь ногами в стенки кабины, чтобы не качало. Прижимает к груди драгоценный контейнер.

В восемь вечера все собираются в

СЕМЕОН МУНЕВ ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ.

ординаторской. Левицкий быстрыми шагами меряет комнату из угла в угол: кажется, все готово, все предусмотрено, можно начинать.

— Павел, парень слабый.

Филипцев кивает головой:

— Знаю.

— Я буду внизу, хорошо? Чуть что, вызываешь меня, да?

— Да.

Ребята переглядываются — надо отдать должное их заведующему. Он точно понимает ситуацию. В операционной Левицкий все равно ничем особенно помочь не может, он терапевт. Его час наступит позже — в послеоперационный период, ничуть не менее важный, чем хирургический этап. Но Левицкий волнуется за исход операции едва ли не больше других. Не может не волноваться, ибо после его решения на карту поставлена человеческая жизнь. И плата за неудачу врачей всегда одинаково высока, первая это операция, сотая или тысячная.

...Мунев уже наверху, в операционной, с ним начинают работать анестезиологи, время хирургов еще не пришло. Я уже видел Семеона и говорил с ним. Славный парень, неплохо знает русский, охотно рассказывает о себе, о своих товарищах. Вот только слабый, измотала его болезнь.

...Перед тем как выйти, Павел подмигивает наклеенной на стену репродук-

ции с изображением святых Дамиана и Козьмы.

— Покровители хирургов. Первые произвели трансплантацию, за что и приняли смерть от рук служителей культа. А потом благодарное человечество причислило их к лику святых.

В коридоре мы натываемся на одинокую фигуру в черном. Лицо мужчины небрито, глаза воспалены.

— Я отец Мунев, из Габрово, мой сын...— Мужчина отворачивается к стене.

— Понятно. Мы сделаем все, что можем, не волнуемся.

А что еще говорить в таких случаях? Что сказать человеку, для которого нет ничего важнее и значимее, чем жизнь сына?

Уже на лестнице Павел говорит:

— Пойми, хирург, идущий на операцию, должен быть свободен от эмоций, они только мешают ему делать свое дело. Но я не знаю, как это можно — быть свободным от эмоций, понимаешь, не знаю. И это плохо.

У стола пришлось ждать еще минут десять, пока анестезиологи подготовят больного. Тут нельзя спешить, наркоз — дело серьезное: исходя из многочисленных данных, надо найти оптимальную дозу. Сегодня «на аппарате» Борис Корнеев, у него «легкая» рука и давняя дружба с Павлом и его ребятами. Они без слов понимают друг друга.

Ну вот, теперь все, можно начинать.

Техника операции несложна. Собственные почки, пораженные нефритом, убирать нет необходимости: они далеко, и лезть к ним небезопасно, к тому же, оставшись в организме, они не мешают.

Поэтому хирурги «вживляют» новый орган там, где им удобнее, куда легче подойти. Ведь в конце концов не так уж важно, где будет работать новый орган, чтобы он действовал. А для этого почку — естественный регулятор давления, своеобразный фильтр, очищающий организм от шлаков, — надо подключить к кровотоку в одном из его самых активных участков. Тогда вся кровь, пульсирующая в человеке, обязательно войдет в почку и выйдет из нее, оставив в ней вещества, предназначенные для выброса. Местом, наиболее удобным для подключения почки, принято считать левую или правую подвздошные области, здесь разветвляется артерия, несущая кровь к ноге.

После того как хирурги выделяют подвздошные артерии и вену, их сшивают с почечными сосудами конец в конец. Затем пускают кровь по трансплантату и проверяют, как он функционирует. И все. Это главное, остальное уже детали. Но тоже существенные, и порой они отнимают немало времени и нервов.

Поначалу все шло прекрасно. Филиппов быстро вошел в подвздошную область, выделил вену и артерию. Настало время вскрыть берлинский контейнер. Вскрыли. Почка была защищена тройным слоем полиэтилена и, судя по ее внешнему виду, находилась в прекрасном состоянии. Не теряя ни одной секунды, хирурги принялись за анастомоз (соединение сосудов швами). Работали быстро, без лишних разговоров. Да и о чем особенно говорить, если все идет как надо и каждый из них прекрасно знает свою хирургическую роль? Филиппов ведет, он здесь первая скрипка, Порядин и Слегцов ассистируют. Но отвечают за исход операции все трое в одинаковой степени.

И эта равная ответственность не позволяет ни одному из троих расслабиться хотя бы на мгновение, отвлечься от того, что происходит на операционном столе. Ни одна из человеческих проблем не была сейчас для них выше их дела. Они дрались за жизнь. И, простояв рядом с ними пять часов без перерыва, я почувствовал, как трудна эта схватка и как хрупка жизнь, во имя которой она велась.

Мышление врача во время операции — это беспрестанный анализ десятков самых различных данных: показания приборов наркозной аппаратуры,

реакций организма больного на хирургическое вмешательство, состояния тканей, собственной работы, результатов лабораторных исследований крови, поступающих во время операции. И пусть все трое заняты только своим делом, они обязаны контролировать друг друга, следить за логикой операции, предвидеть последствия каждого своего шага. И еще, как бы ни было им трудно сдерживать эмоции, они должны уметь себя перебарывать. Для того, чтобы не нервировать других.

В какой-то момент Павел вдруг, не отрывая взгляда от стола, проговорил:

— Уберите музыку.

Я прислушался — где-то неподалеку действительно звучал «Маяк».

— Это приемник у девочек в сестринской, — пояснил кто-то.

— Я прошу — уберите музыку... — И тотчас снова о деле: — Боря, еще протамин и свет сюда, на мою левую ладонь, пожалуйста.

Пока все шло нормально. Тихину операционной время от времени нарушали резкие, свистящие разряды электроножа, металлическое звяканье инструментов, короткие фразы, даже не фразы, а их обрывки, какой-то словесный «перепас», понятный только им одним.

Филиппову удалось довольно быстро состыковать основные почечные сосуды с артерией и веной, пустить кровоток. Бледная, чуть розоватая почка оживала на наших глазах. Через две-три минуты она наполнилась кровью, сделалась матово-вишневой: она «включилась», работала. Главное было сделано.

И тут вдруг этот сосуд. Небольшой, диаметром миллиметра два с половиной, сосуд когда-то питал нижний полюс трансплантата, без его включения в кровоток орган останется неполноценным, ибо какая-то его часть будет лишена кислородного питания, подававшегося прежде через этот крохотный сосуд. На хирургическом языке это называется частичный инфаркт. Зарубежные хирурги в подобных ситуациях рекомендуют просто-напросто перевязывать сосуд: хлопот с его включением много, а эффект незначителен, считают они. Но советские ученые освоили метод, позволяющий соединить сосуд с кровеносной системой. Для этого надо лишь найти где-то поблизости от нового местоположения почки сосуд равного диаметра. И Филиппов ищет, еще и еще раз прощупывая ткани. И, найдя его, Павел ювелирными стежками сшивает сосуды конец в конец.

Вновь поражаюсь его спокойствию, с которым он это делает. Только потом, когда все было позади, Павел рассказал, что не один раз за время операции имел человеческое право взорваться: то под рукой не оказалось хирургических нитей нужного размера, то лаборатория задерживала результаты сверываемости крови. А тут еще диффузное кровотечение из тканей, которое никак не хотело останавливаться. И поэтому анестезиологи сменили на капельнице пять ампул с кровью. Это много, но что же делать, если не удается быстро найти все кровотокающие сосуды? А найти их необходимо, «ушиваться» можно только после полного гемостаза, иначе будет гематома, а значит, повторная операция.

Они заканчивают около двух ночи. Умываются и идут вниз, в ординаторскую. Молча сидят на диване, отходят. Потом Павел говорит, что надо где-то достать молока. Порядин спрашивает:

— Зачем?

— Пить, понимаешь? Молока хочу, много молока!

Он садится за телефон и обзванивает этажи. Наконец, молоко нашлось у кого-то из дежурных сестер. И он пьет его прямо из бутылки, холодное, с мелкими плавающими в нем льдинками.

Через два месяца я шел по знакомому коридору клиники. В холле за журнальным столиком сидел Семен Мунев и листал «Крокодил». Увидев меня, он встал, улыбнулся и шагнул навстречу.

С «массовой культурой» современный американец сталкивается едва ли не с первых дней жизни. Не могу забыть кадр из шедшего в нашем прокате документального фильма «Америка глазами француза»: мальчи, которому нет еще и года, ползает в своем загончике, а в углу загончика — телевизор, и на экране — передача для зрителей именно такого, более чем младшего возраста.

Зачем же, спрашивается, подобное изилишество? Ведь годовалый ребенок за сюжетом, даже элементарным, не может следить, а уж рекламных вставок и вовсе не воспринимает. Однако если вдуматься, это не изилишество, а точный расчет. Именно так, буквально с пеленок, воспитываются унифицированные вкусы, которые служат основой стандартизированного мышления — мышления без мысли — и стандартизированного, пассивно-потребительского поведения.

Тут же, в сущности, цель преследуют и получившие широчайшее распространение комиксы — книжки, состоящие почти из одних картинок, которые можно листать, не читая, и низкопробные шоу, и киноленты серийного производства. Те фильмы западных студий, какие мы видим на наших экранах, те произведения западных литератур, какие у нас переводятся, — это лучшее из лучшего, созданное самыми талантливыми и смелыми режиссерами и писателями и скрупулезно отобранное из сотен тысяч километров пленки и миллионов тонн бумажной продукции. Нашему зрителю и читателю, в особенности молодому, просто трудно себе представить, какого масштаба достигло в современном капиталистическом мире производство кино, теле- и печатной макулатуры, сработанной максимально по двум десяткам стандартов и рассчитанной на самые убогие духовные потребности.

Повесть «Сила воображения» принадлежит перу одного из известных американских писателей-фантастов старшего поколения, Клиффорда Саймака. Написана она во времена, когда адепты «массовой культуры» еще не выступали со столь откровенных позиций. Но все основные ее составляющие и главная из них — культ насилия — были уже налицо. И свойственная честному художнику прозорливость в сочетании с яркой фантазией (в самом деле, какая же фантастика без фантазии!) заставила Саймака призадуматься над завтрашним днем литературы.

«Сила воображения» — повесть пародийная. Разумеется, события, описанные в ней, не произойдут никогда — ни в XXI, ни в XXV веке. Не суждено Земле стать поставщиком дешевого чтива на всю Галактику хотя бы по той простой причине, что «массовая культура» — порождение современного капитализма — не доживет до этих далеких дней. Но фантастика всегда была и ныне является зеркалом не столько грядущих эпох, сколько своей собственной. Саймак совершенно верно подметил и развенчал две отличительные особенности «массовой культуры»: ее агрессивность, стремление любой ценой навязать себя как можно большему числу читателей, слушателей, зрителей и ее механистический характер. Никогда — ни в XXI, ни в XXV веке — ни одна машина не создаст «Анну Каренину», а вот выдавать литературное варено по рецептам нынешних комиксов машина, и даже не очень умная, могла бы вполне...

В статьях, посвященных творчеству лучших американских фантастов, в частности того же Клиффорда Саймака, наши критики нередко бросают упрек: мол, что же вы, несомненные гуманисты, неистощимые выдумщики, становитесь наивно нерешительными, едва речь заходит о перспективах социального развития человечества? Описываете технику, отделенную от нашей многими столетиями, зовете нас к сверхсветовым скоростям, знакомите с братьями по разуму всех мастей и обличий, а нравы и общественные институты земли оставляете точь-в-точь такими, как в провинциальном городишке в штате Калифорния либо Нью-Джерси...

Сходный упрек можно, конечно, адресовать и предлагаемой повести. Однако сатирическая, разоблачительная задача, которую ставил перед собою автор, и не могла быть решена по-другому.

Совершенно естественно, что мы, живущие в иных общественных условиях, рисуем себе исторические перспективы человечества иначе, ярче, яснее и оптимистичнее, но это не мешает нам понять и оценить по достоинству острый юмор Саймака, его незаурядное литературное мастерство и, конечно же, силу воображения.

Юрий ЕРЕМИН,
доктор философских наук.

Сила воображения

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Салон-магазин находился в самой фешенебельной части города, куда Кемп Харт попадал не часто. Этот район был в стороне от его обычных маршрутов, и он сам удивился, когда понял, в какую даль забрел. По правде говоря, он вообще никуда бы не пошел, сохранись у него кредит в баре «Светлая звездочка», где обреталась вся его компания.

Как только Харт разобрался, где он, ему следовало бы развернуться на сто восемьдесят градусов и убраться восвояси: он и сам ощущал себя лишним здесь, среди роскошных издательств, раззолоченных притонов и знаменитых кабаков. Но салон заворочил его. Салон не давал ему уйти. Харт застыл перед витриной, забыв о своем заношенном костюме и стоптанных башмаках. Лишь рука, засунутая в карман, ненароком ощущала две мелкие монетки, которые там еще уцелели.

За стеклом стояли машины, блестящие, сногсшибательные, именно такие, каким и надлежало продаваться на этой изысканной, напудренной улице. Особенно одна машина, в углу: она была еще больше и блестела еще ярче, чем остальные, и над ней словно витал ореол писательской удачи. Массивная клавиатура для набора исходных данных, сотня, а то и больше прорезей для ввода киноплёнок и перфолент, нужных по ходу процесса... Судя по градуировке шкал, выбор настроений был гораздо богаче, чем Харту когда-либо доводилось видеть, да, по всей вероятности, она обладала еще и множеством других достоинств, не столь заметных с первого взгляда.

«С такой-то машиной,— сказал себе Харт,— человек прославится почти автоматически, может стать, за одну ночь. Он напишет все, что пожелает, напишет хорошо, и перед ним распахнутся двери самых привередливых издателей...»

Но как бы ему того ни хотелось, заходить в салон и осматривать машину не имело смысла. Думать о ней, и то было без толку. Оставалось лишь стоять и глазеть на нее через витринное стекло.

«И все-таки,— сказал он себе,— у меня есть полное право войти в салон и осмотреть ее со всех сторон. Кто и что может мне помешать?..» Никто и ничто, ну, если не считать усмешки на лице продавца, молчаливой, вежливой, точно отработанной гримаски презрения в ту секунду, когда Кемп Харт отвернется и поплетется к выходу...

Он украдкой бросил взгляд по сторонам—улица оставалась пока безлюдной. Было еще слишком рано для того, чтобы эта надменная улица возродилась к жизни, и у него мелькнула надежда, что если он все-таки войдет и попросит разрешения осмотреть машину, ничего страшного не случится. Может, он сумеет объяснить, что не собирается покупать машину, а только хочет поглядеть на нее. И они не станут над ним смеяться. Конечно же, нет, никто и слова против не скажет. Мало ли людей, в том числе богатых и известных людей, заходят в салон просто поглазеть...

Он крался вдоль витрины, не отрывая глаз от машин и подбираясь все ближе к двери, уговаривая себя, что ни за что не войдет, что заходить—это глупо, но в глубине души сознавая, что искушение неодолимо.

Наконец он поравнялся с дверью, толкнул ее и шагнул внутрь. Продавец возник перед ним как по волшебству.

— Вон тот сочинитель в углу,— промямлил Харт.— Скажите, не могу ли я...

— Безусловно, безусловно,— подхватил продавец.— Извольте следовать за мной.

В углу салона продавец с нежностью возложил руку на корпус машины.

— Это наша новейшая модель,— начал он.— Мы дали ей имя «Классик», поскольку она задумывалась и выпускалась с единственной целью—наладить производство классики. Мы полагаем, что она имеет значительные преимущества по сравнению с нашей предшествующей моделью «Бестселлер», перед которой в конечном счете не ставилось задач более сложных, чем производство бестселлеров, хотя время от времени ей и удавалось выдавать

классику малых форм. Но если вы позволите говорить вполне откровенно, сэр, то я подозреваю, что почти во всех подобных случаях хозяева сами совершенствовали машину. Мне говорили, что кое-кто на таких делах прямо-таки собаку съел...

Харт покачал головой.

— Уж только не я. Не знаю даже, с какого конца за паяльник берутся...

— В таком случае,— не смутился продавец,— лучшее, что вы можете сделать, это сразу приобрести сочинителя высшего класса. Если им пользоваться с умом, то разносторонность творчества окажется практически безграничной. А в данной модели к тому же предусмотрен надежный коэффициент качества, много более высокий, чем в любой другой. Хотя, разумеется, для получения наилучших результатов необходимо проявлять осмотрительность при выборе типажных фильмов и сюжетно-проблемных лент. Но пусть это вас не тревожит. Запас фильмов и перфолент у нас огромен, а наши фиксаторы настроения и обстановки не имеют себе равных. Конечно, они обходятся недешево, однако...

— Между прочим, какова цена этой модели?

— Всего-навсего двадцать пять тысяч,— весело откликнулся продавец.— Вас не удивляет, сэр, что мы предлагаем ее за столь мизерную цену? Это— замечательное достижение инженерной мысли. Мы работали целых десять лет, прежде чем добились должного эффекта. И все эти десять лет отбрасывали прежние конструктивные решения и искали все новые и новые, чтобы не отстать от технического прогресса...

Он с торжествующим видом похлопал машину по блестящему боку.

— Заверю вас, сэр, что вы нигде не найдете изделий лучшего качества, чем у нас. В этой машине предусмотрено все. В ней заложены миллионы вероятностных комбинаций, гарантирующих стопроцентную оригинальность продукции. Ни малейшей опасности сбиться на стереотип, что так характерно для многих более дешевых моделей... Сюжетный банк, взятый сам по себе, способен выдать почти бесконечное число коллизий на любую заданную тему, а смеситель характеров учитывает тысячи оттенков вместо ста или ста с небольшим, свойственных моделям низших классов. Семантический блок обладает высокой избирательностью и чувствительностью, и нельзя также не обратить вашего внимания...

— Хорошая машина,— прервал его изливания Харт.— Но, признаться, дороговата. Вот если бы у вас нашлось что-нибудь еще...

— Безусловно, сэр. У нас есть множество других моделей.

— А вы примете в обмен старую машину?

— Охотно. Какой марки ваша машина, сэр?

— «Автоавтор девяносто шесть».

Лицо у продавца вытянулось— чуть-чуть, едва заметно. Он качнул головой и не то грустно, не то смущенно произнес:

— Видите ли, мы... Признаться, я не уверен, что мы сможем за нее много предложить. Это довольно старый тип машины. Почти вышедший из употребления.

— Но что-нибудь вы за нее все-таки дадите?

— Думаю, что да. Хотя и немного.

— И оплата в рассрочку?

— Да, конечно. Что-нибудь придумаем. Будьте добры сказать, как вас зовут.

Харт назвал свою фамилию. Продавец записал ее в блокнот.

— Извините, сэр, я вас на минутку покину.

Какое-то мгновение Харт смотрел ему вслед. Потом, как трусливый ворюшка, тихо попятился к двери и выскользнул из салона. Оставаться не было смысла. Не было смысла ждать, пока продавец вернется, подаст на прощание руку и скажет:

— Очень сожалеем, сэр...

Очень сожалеем, сэр, но мы проверили вашу кредитоспособность и убедились, что она равна нулю. Мы запросили сведения о ваших успехах и установили, что за последние полгода вы продали всего один короткий рассказ.

«И зачем я вообще затеял эту прогулку!»— упрекнул себя не без горечи Харт.

На окраине, весьма и весьма отдаленной от блистательного салона, Харт вскарабкался на шестой этаж по лестнице— лифт опять не работал. За дверью, на которой красовалась табличка «Издательство Ирвинг», секретарша, поглощенная шпифовкой ногтей, на минуту оторвалась от этого занятия и махнула рукой в сторону смежной комнаты:

— Заходите прямо к нему.

Бен Ирвинг сидел за столом, погребенным под кучами рукописей, гранок и корректурных листов. Рукава у него были закатаны по локоть, а на лбу торчал козырек. Он носил козырек не снимая, а зачем, оставалось тайной: за весь день не бывало и часа, когда в этой занюханной комнатенке набралось бы достаточно света, чтобы ослепить уважающую себя летучую мышшь.

Бен поднял глаза и, моргая, уставился на Харта.

— Рад тебя видеть, Кемп,— сказал он.— Садись. С чем сегодня пожаловал?

Харт оседлал стул.

— Решил зайти спросить о судьбе последнего рассказа, который я послал тебе.

— Никак не доберусь до него.— В порядке самооправдания Ирвинг повел рукой, показывая на кавардак на столе.— Мэри!..— крикнул он. В дверь просунулась голова секретарши.— Возьмите рукописи Харта, и пусть Милли на нее глянет.— Он откинулся в кресле.— Это не займет много времени, наша Милли читает быстро...

— Я подожду,— сказал Харт.

— А у меня есть для тебя новость,— объявил Ирвинг.— Мы открываем журнал, адресованный племенам системы звезд Алголь. Жизнь у них там довольно-таки первобытная, но читать они, да вознаградят их небеса, уже умеют. Хлебнули же мы, пока нашли кого-то, кто мог бы выполнить переводы текстов, да и набор обойдется куда дороже, чем хотелось бы. Они там такой алфавит выдумали, каверзнее я в жизни не видел. Но в конце концов мы отыскали типографа, у которого припасен даже такой шрифт...

— Что от меня требуется?— осведомился Харт.

— Обычное гуманитарное чтение,— ответил Ирвинг.— Побольше драк и крови, и чтобы как можно красочнее. Живется им там не сладко, так что наш долг— предложить им яркий колорит, но чтобы читать было просто. Никаких вывертов, заруби себе на носу...

— Зарубил.

— Нужна добротная макулатура,— заявил Ирвинг.— Посмотрим, как пойдет дело. Если хорошо, тогда начнем переводить и для первобытных общин в районе Капеллы. Вероятно, потребуются кое-какие изменения в текстах, но не слишком серьезные.— Он прищурился, задумавшись.— Платить дорого не сможем. Зато, если дело пойдет, товару потребуется много.

— Хорошо, я подумаю,— сказал Харт.— Есть у них какие-нибудь табу? Чего надо избегать?

— Никакой религии,— ответил издатель.— Что-то похожее у них вроде бы есть, но лучше эту скользкую тему обойти стороной. Никаких сантиментов. Любовь у них не котируется. Женщины они себе покупают и с любовью не знают. Сокровища, погони, муки алчности— вот это будет в самый раз. Любуй стандартный справочник даст тебе необходимые сведения. Фантастические виды оружия— и чем ужаснее, тем лучше. И, повторяю, побольше кровопролития. Ненависть— вот что им подавай. Ненависть, месть... И острые ощущения. Главная твоя задача— чтобы напряжение не спало.

— Хорошо, я подумаю.

— Ты повторяешь эту фразу уже второй раз.

— У меня что-то не ладится, Бен. Раньше я мог бы сразу сказать тебе: «да». Раньше я мог выдавать такое варено тоннами.

— Потерял форму?

— Не в форме дело— в машине. Мой сочинитель— сущее барахло. С тем же успехом я мог бы писать свои рассказы от руки.

При одной только мысли о подобной непристойности Ирвинга передернуло.

— Так почини его,— сказал он.— Повозись с ним, подлатай.

— Чего не умею, того не умею. Да и какой смысл? Все равно модель слишком старая. Почти вышедшая из употребления.

— Ну, в общем, постарайся сделать, что сможешь. Я хотел бы сохранить тебя в числе своих поставщиков.

Вошла секретарша. Не глядя на Харта, она положила рукопись на стол. Прямо с того места, где он сидел, Харт без труда различил единственное слово, которое машина оттиснула на первой странице: «Отказать».

— Слишком вычурно,— объяснила девушка.— Милли чуть не пережгла себе потроха.

Ирвинг перебрал рукопись Харта.

— Извини, Кемп. Надеюсь, в следующий раз тебе повезет больше.

Харт поднялся, сжимая рукопись в кулаке.

— Я попробую взять твой новый заказ,— произнес он и направился к двери.

— Погоди-ка минутку,— откликнулся его Бен, и в голосе у него послышалось сочувствие.

Харт обернулся. Ирвинг вытаскивал бумажник и, выудив оттуда две десятки, протянул ему.

— Нет,— отказался Харт, пожирая деньги глазами.

— Это займы,— произнес издатель.— Черт тебя возьми, можешь ты взять у меня займы? Принесишь мне, что сочинишь...

— Спасибо, Бен. Я твоей доброты не забуду.

Он запихнул деньги в карман и поспешно ретировался. В горле стояла жгучая горечь, под сердцем застрял жесткий, холодный комок.

«У меня есть для тебя новость,— сказал Бен.— Нужна добротная макулатура».

Добротная макулатура...

До чего же он докатился!

Когда с деньгами в кармане и со страстным желанием осушить стакан пива Харт появился наконец в баре «Светлая звездочка», из постоянных посетителей он застал там только Анджелу Мару. Анджела пила какую-то дикую розовую смесь, которая выглядела определенно ядовитой. Волосы у нее были гладко зачесаны назад, большие темные очки закрывали почти половину лица. «Что за нелепость,— подумал Харт.— Ведь она могла бы быть привлекательной, но намеренно избегает этого...»

Едва он подсел к ней, как бармен Блейк выбрался из-за стойки и молча встал рядом, упершись кулаками в бока.

— Стакан пива,— небрежно бросил Харт.

— В долг больше не даю,— отозвался бармен, сверля его прокурорским взглядом.

— Кто сказал, что в долг? Я заплачу.

Блейк нахмурился.

— Уж если вы при деньгах, так, может, и по счету заплатите?

— Настолько я еще не разбогател... Однако получу я свое пиво или нет?

Наблюдая за тем, как Блейк вперевалку возвращается к стойке, Харт порадовался собственной предусмотрительности: по дороге он специально купил пачку сигарет, чтобы разменять одну из десятков. Вытащи он десятку хоть на мгновение, Блейк тут же налетел бы на нее коршуном и отобрал в погашение долга.

— Поздравить?— приветливо осведомилась Анджела.

— Аванс,— соврал Харт, чтобы не уронить свое мужское достоинство.— Ирвинг поручил мне кое-что. Говорит, заказ будет крупным. Хотя гонорар, разумеется, не слишком...

Подошел Блейк с пивом, плюхнул его на стол и подчerkнуто подождал, пока Харт не сделает того, что от него требовалось. Харт рассчитался, и бармен вперевалку удалился.

— Слышали про Джаспера?— спросила Анджела. Харт покачал головой.

— Да нет, в последнее время ничего не слышал. А что, он закончил книгу?

Анджела просияла.

— Он уезжает в отпуск. Можете себе представить? Он— и вдруг в отпуск!

— А что тут особенного?— возразил Харт.— Джаспер продает свои вещи безотказно. Он единственный среди нас, кто загружен работой из месяца в месяц!

— Да не в том дело, Кемп. Погодите, сейчас узнаете, это же умора! Джаспер считает, что если он съездит в отпуск, то станет лучше писать!

— А почему бы и нет? Ездил же Дон в прошлом году в летний лагерь. В один из тех, что рекламируется под девизом «Хлеб наш насущный»...

— Все, чем они там занимаются,— сказала Анджела,— это зубрят заново механику. Вроде повторительного курса по устройству сочинителей. Как переделывать старую рухлядь, чтобы она сумела выдать что-нибудь свеженькое...

— И все-таки я не понимаю, почему бы Джасперу не съездить в отпуск, раз у него завелись деньги.

— Вы такой тугодум,— рассердилась Анджела.— Вы что, так и не поняли, в чем тут соль?

— Да понял я, все понял. Джаспер до сих пор не отказался от мысли, что в нашем деле присутствует фактор личности. Он не довольствуется сведениями, почерпнутыми из стандартного справочника или из энциклопедии. Он не согласен, чтобы сочинитель описывал чувства, каких он, Джаспер, никогда не испытывал, или краски заката, какого он никогда не видел. И мало того— он оказался столь безрассуден, что проговорился об этом, и вы вместе с остальными подняли его на смех. Чего ж удивляться, если парень стал эксцентричным. Чего ж удивляться, если он запирает дверь на ключ...

— Запертая дверь,— зло сказала Андже- ла,— очень символичный поступок для такого пси- ха, как он.

— Я бы тоже запер дверь,— ответил ей Харт.— И тоже стал бы эксцентричным, лишь бы печатать такие же рассказы, как Джаспер. Я бы ходил на руках... Я бы вырядился в саронг! Я бы даже выкрасил себе лоб и щеки в синий цвет...

— Вы словно верите, что Джаспер прав.

Он снова покачал головой.

— Нет, я не думаю, что он прав. Я думаю по-другому. Но если он хочет думать по-своему, пусть себе думает на здоровье.

— А вот и нет,— возликовала она.— Вы думаете, как он, это у вас на носу написано. Вы допускаете возможность творчества, не зависящего от машины!

— Нет, не допускаю. Я знаю, что творче- ство—привилегия машин, а не наша. Мы с вами всего лишь лудильщики, поселившиеся в мансар- дах. Механики от литературы. И я полагаю, что так оно и должно быть. Конечно, в нас еще жива тоска по прошлому. Но она существовала во все эпохи. Где вы, мол, старые добрые времена? Где вы, деньги, когда старые добрые времена писали кровью сердца?

— Что-то, а кровь мы проливаем по-прежнему...

— Джаспер—прирожденный механик,— заявил он.— Вот чего мне не хватает. Я не способен даже починить свой мусорный ящик, а вы бы видели, как модернизировал свой агрегат Джаспер...

— Можно нанять кого-нибудь, чтобы произвести ремонт. Есть фирмы, которые прекрасно справля- ются с такой работой.

— На это у меня никогда не было денег.— Он допил свое пиво и поинтересовался:— А что такое у вас в бокале? Хотите повторить?

Она оттолкнула бокал от себя.

— Не нравится мне эта дрянь. Я лучше выпью с вами пиво, если не возражаете.

Харт жестом приказал Блейку принести два пива.

— Что вы нынче поделяете, Андже- ла?—спро- сил он.—Все еще работаете над романом?

— Готовлю фильмы для машины,— сказала она.

— Мне сегодня придется заняться тем же. Чтобы выполнить заказ Ирвинга, понадобится главный герой. Большой, сильный, темпераментный, но не слишком страшный. Поищу где-нибудь у реки...

— Теперь герои в цене, Кемп,— сказала она.—Инопланетяне нынче поумнели. Даже самые дальние. Только вчера я заплатила одному двадцат- ку, а он в общем-то не представлял собой ничего особенного.

— Все равно это дешевле, чем покупать готовые фильмы.

— Тут я с вами согласна. Правда, и работы прибавляется.

Блейк принес пиво, и Харт отсчитал ему мелочь в подставленную ладонь.

— Возьмите пленку нового типа,— посоветовала Андже- ла.— Она куда лучше прежних по всем пока- зателям. Резкость гораздо выше, а значит, улавли- вается больше побочных факторов. Характеры очерчиваются более плавно. Вы приобретаете спо- собность видеть, так сказать, все оттенки исследу- емой личности. И персонажи сразу становятся более достоверными. Я пользуюсь именно такой пленкой.

— За нее, должно быть, дерут втридорога,— заме- тил он.

— Да, довольно дорого,— согласилась она.

— У меня сохранилась еще парочка катушек старого образца. Придется обойтись тем, что есть.

— Могу ссудить вам полсотни, если позволите.

Он покачал головой еще решительнее, чем раньше.

— Спасибо, Андже- ла. Я могу клянчить на выпив- ку, обедать за чужой счет и стрелять сигареты, но я не могу взять у вас полсотни, которые вам самой нужны позарез. Среди нас просто нет богачее, способных раздавать в долг по полсотни.

— Но я ссудила бы вам их с радостью. Если вы передумаете...

— Хотите еще пива?—спросил Харт, чтобы поло- жить конец неприятному разговору.

— Мне нужно работать.

— Мне тоже...

Он вскарабкался на седьмой этаж, прошел по коридору и постучался к Джасперу Хансену.

— Минуточку,— донесся голос из-за двери. Но прошло минуты три, прежде чем ключ заскрежетал в замке и дверь распахнулась.— Прости, что так долго,— извинился Джаспер.— Вводил в машину исходные данные и не мог оторваться, пока не справлюсь.

Харт кивнул. Действительно, объяснение Джас- пера было нетрудно принять. Прервать на середине

набор исходных данных, на подготовку которых уходили многие часы,— дело почти немислимое.

Комната у Джаспера была маленькая и захлам- ленная. В углу красовался сочинитель, гордый и блестящий, хотя и не такой, как тот, которым Харт любовался утром в салоне в центре города. На столе, полуприкрытая разбросанными бумажками, стояла пишущая машинка. Длинная полка провисала под тяжестью потрепанных справочников. Книжки в яр- ких обложках громоздились в беспорядке на полу. На неприбранной постели спала кошка. На шкафу виднелась бутылка вина и рядом с нею немного хлеба. Раковина была завалена грязной посудой.

— Говорят, ты собираешься в отпуск, Джас- пер,— начал Харт.

Джаспер ответил настороженно:

— Да, мне подумалось, что можно бы...

— Слушай, Джаспер, не окажешь ли ты мне одну услугу?

— Все, что только пожелаешь.

— Когда ты уедешь, разреши мне воспользовать- ся твоим сочинителем.

— Ну, в общем... Не знаю, Кемп. Видишь ли...

— Мой вышел из строя, а на ремонт у меня нет денег. И вдруг я, представь, получаю заказ. Если бы ты разрешил мне поработать на твоей машине, я бы за неделю-другую выдал достаточно, чтобы отре- монтировать свою.

— Ну, в общем,— повторил Джаспер,— понима- ешь, я для тебя готов на все. Проси, чего хочешь. Но сочинитель—извини, никак не могу разрешить тебе работать на нем. Я его полностью перепаял. Там нет ни одной цепи, которая осталась бы в своем перво- данном виде. И никто во всем мире, кроме меня, не сумеет теперь с ним совладать. А если кто-нибудь и попробует, то или машину сожжет, или себя угро- бит, или не знаю что еще...

— Но разве ты не можешь меня проинструктиро- вать?—воскликнул Харт почти умоляюще.

— Слишком сложно. Я с ней возился года- ми,— ответил Джаспер.

Харт ухитрился выжать из себя улыбку:

— Прости, я думал...

Джаспер положил руку ему на плечо.

— Что-нибудь другое—пожалуйста. Что угодно другое.

— Спасибо,— бросил Харт, отворачиваясь.

— Выпить хочешь?

— Нет, спасибо,— ответил Харт и вышел.

Преодолев еще два лестничных марша, он под- нялся на самый верхний этаж и ввалился к себе. Его дверь никогда не запиралась. При всем жела- нии никто не высмотрел бы у него ничего, достойно- го кражи. «И коль на то пошло,—спросил он себя,—разве есть что-нибудь такое, что могло бы представить интерес для других, у этого Джаспе- ра?»

Он опустился на колченогий стул и уставился на сочинитель. Машина была старая и обшарпанная, она раздражала его, и он ее ненавидел. Она не стоила ни гроша, абсолютно ни гроша, и тем не менее придется на ней работать. Поскольку другой у него нет и не предвидится. Он может подчиниться ей, а может спорить с ней, может ее пинать, может бранить последними словами, а может проводить подле нее бессонные ночи. А она, урча и кудахтая от признательности, будет самонадеянно выдавать не- обьятные груды посредственных строк, которые никто никогда не купит.

Он встал и подошел к окну. Внизу лежала река, и с судов, пришвартованных у причалов, выгружали бумажные рулоны, чтобы прокормить ненасытные печатные станки, грохочущие день и ночь. За рекой из космопорта, оставляя за кормой слабое голубое мерцание ионных потоков, поднимался корабль. Харт наблюдал за кораблем, пока тот не исчез из виду.

Там были и другие корабли, нацеленные в небо, ожидающие только сигнала—нажатия кнопки, щелчка переключателя, легкого движения ленты с навигационной программой,— сигнала, который сорвал бы их с мест и направил домой. Сначала в черноту космоса, а затем в то таинственное ничто вне времени и пространства, где можно бросить вызов теоретическому пределу—скорости света. Корабли, прибывшие на Землю со многих звезд с одной-единственной целью, за одним-единствен- ным товаром, какой предлагали им земляне,— за чтивом.

Он не без труда стряхнул с себя чары космопорта и обвел взглядом раскинувшийся до горизонта город—скупенные, обтесанные до полного однооб- разия прямоугольники района, где жил он сам, а дальше к северу сияющие сказочной легкостью и тяжеловесным величием башни, построенные для знаменитых и мудрых.

«Фантастический мир,— подумал он.— Фантасти- ческий мир, где приходится жить. Вовсе не такой, как рисовали его Герберт Уэллс и Стэндлон. Они воображали себе дальние странствия и галактиче- ские империи, гордость и славу человечества,— но, когда двери в космическое пространство наконец отворились, Земле каким-то образом не достало ни того, ни другого. Взамен грома ракет—грохот печатных машин. Взамен великих и возвышенных целей—тихий, вкрадчивый, упрямый голос сочи- нителя, зачитывающего очередной опус. Взамен нескончаемой череды новых планет—комнатка в мансарде и изматывающий страх, что машина подведет тебя, что исходные данные неверны, а пленки использовались слишком часто...»

Он подошел к столу и один за другим выдвинул три ящика. Камеру он обнаружил под ворохом всякой дряни в нижнем. Потом порыскал еще в среднем ящике, нашел пленку, завернутую в алю- миниевую фольгу.

«Стало быть, большой и сильный,— подумал он.— Такого, наверное, нетрудно встретить в одном из подвальных у реки, где космические волки, получившие увольнительную в город, проматывают свои денежки...»

В первом подвальчике, куда он заглянул, было смрадно—там расположилась компания паукооб- разных существ из системы Спика, и он там не остался. Недовольно поморщившись, он выбрался на улицу со всей быстротой, на какую оказался способен.

Соседний погребок облюбовали похотевшие на рас- кормленных котлов обитатели Дагиба, и это тоже было совсем не то, что надо.

Зато в третьем заведении его ждала удача в образе гуманоидов со звезды Каф—созданий до- родных и шумных, склонных к экстравагантной одежде, вызывающему поведению и вообще падах до роскошной жизни. Они сгрудились вокруг боль- шого круглого стола в центре комнаты и увлеченно буянили—стучали по столу кружками, гонялись за удирающим от них хозяином, заводили песни, но тут же сами прерывали их выкриками и перебран- кой.

Харт проскользнул в незанятую кабинку и стал присматриваться к загулявшим кафианам. Один из них, самый крупный, самый громогласный и самый буйный, напялил на себя красные штаны и рубаху цвета яркой зелени. Латинские ожерелья и дико- винные чужеземные украшения болтались у него на шее и сверкали на груди, а волосы он, похоже, не стриг несколько месяцев. Борода у него была довольно сатанинского вида, а уши—поразитель- ная штука!—чуть-чуть заострены. Ссориться с ним, судя по всему, было весьма и весьма небезо- пасно. «Вот он!—решил Харт.—Вот типаж, кото- рый мне нужен!»

Наконец к кабинке кое-как подобрался хозяин.

— Пива,—приказал Харт.—Большой стакан.

— Да вы что?—удивился хозяин.—Кто же у нас пьет пиво!

— Ну, хорошо, а что у вас есть?

— Бокка, игно, хзбут, грено. Ну, и еще...

— Тогда бокка,—отрезал Харт. По крайней мере он представлял себе, что такое бокка, а об остальных напитках никогда и не слышал. Кто их знает, что они способны сотворить с человеком. Глоток бокка, во всяком случае, пережить можно.

Хозяин ушел и спустя какое-то время вернулся с кружкой бокка. Это было зеленоватое, слегка об- жигающее пойло. Хуже всего, что по вкусу оно напоминало слабенький раствор серной кислоты.

Харт вжался поглубже в угол кабинки и открыл футляр камеры. Потом приподнял камеру над столом—не выше, чем понадобилось для того, чтобы захватить Зеленую Рубаху в поле зрения линз. Наклонившись к видеокаселету, поймал ка- фианина в фокус и тут же нажал кнопку, приводя- щую аппарат в действие. Покончив с этим, принялся прихлебывать бокка.

Высидеть вот так, давись инопланетным пойлом и орудия камерой, предстояло четверть часа. Четвер- ти часа хватит за глаза. Через четверть часа Зеленая Рубаха окажется на пленке. Может, мате- риал будет и не столь исчерпывающим, как если бы Харт применял ту же новомодную пленку, что и Андже- ла, но своего героя он получит.

Камера крутилась, запечатлевая физические ха- рактеристики кафианина, его манеры, любимые обороты речи, мыслительные процессы (при нали- чии таковых), образ жизни, происхождение, его вероятные реакции перед лицом тех или иных обстоятельств. «Пусть не в трех измерениях,—по- думал Харт,—пусть без проникновения в душу героя и без развернутого ее анализа, но для той халтуры, что нужна Ирвингу, сойдет и так...»

Сделать этого весельчака главным героем, окружить тремя-четырьмя головорезами, выбранными наудачу из досье. Можно использовать какую-нибудь из пленок серии «Рыцарь глубокой тьмы». Вернуть туда что-нибудь заковыристой про сокровища, добавить капелюшку насилия, притом на каком-нибудь жутком фоне,—и пожалуйте, готово, если, конечно, сочинитель не откажет...

Десять минут прошло. Осталось всего пять. Еще пять минут—и он остановит камеру, сунет ее обратно в футляр, а футляр в карман и выберется отсюда как можно скорее. Разумеется, стараясь не привлечь ничего внимания.

«А все получилось довольно просто,—подумал он,—много проще, чем я рассчитывал...»

Как это Анджелила сказала? «Все нынче поумнели, даже инопланетяне...»

Осталось три минуты.

Откуда ни возьмись на стол опустилась рука и заграбастала камеру. Харт стремительно обернулся. У него за спиной с камерой под мышкой стоял хозяин.

«Ну и ну,—подумал Харт,—я так старательно следил за кафиянами, что начисто забыл про этого типа!..»

— Ах, так!—зарычал хозяин.—Пролез сюда обманом, а теперь фильм снимаешь! Хочешь, чтобы мое заведение приобрело дурную славу?..

Харт опрометью кинулся прочь из кабинки в отчаянной надежде прорваться к двери. У него еще оставался какой-то, пусть призрачный шанс. Но хозяин ловко подставил ногу, и Харт упал, перекувырнувшись через голову. Проехал плашмя по полу, сшибая мебель, и очутился под столом.

Кафиане вскочили с мест и как по команде уставились на него. По ним было видно, что они не возражали бы, если бы он свернул себе шею.

Хозяин что было силы швырнул камеру себе под ноги. С тяжким, скрежещущим стоном она разлетелась на куски. Пленка выпала из кассеты и зазмеилась по полу. Откуда-то, дзенькнув, выпрыгну-

ла пружина, впилая в пол торчком и задрожала.

Харт напрягся, поднялся из-под стола. Кафиане двинулись на него—не бросились, не разразились угрозами, а спокойно и размеренно двинулись, растягиваясь в стороны, чтобы не дать ему пробиться к выходу.

Он отступал, отступал осторожно, шаг за шагом, а кафиане все продолжали свое неспешное наступление.

И тут он прыгнул прямо вперед, нацелившись в самую середину их цепи. Издав боевой клич, он наклонил голову и боднул Зеленую Рубаху точечкой в живот. Почувствовал, как кафианцы качнулись и подался вбок, на какую-то долю секунды уже решил было, что вырвался на свободу, но чья-то волосатая мускулистая рука дотянулась до него, сгребла и швырнула навзничь. Тут же кто-то лягнул его. Кто-то наступил ему на пальцы. А кто-то вновь поставил на ноги и метнул без промаха сквозь открытую дверь на мостовую.

Он упал на спину и проехался по мостовой, остановившись только тогда, когда врезался в бровку тротуара напротив забегаловки.

Кафиане всей командой сгрудились в дверях, надвываясь от хохота. Они хлопали себя по ляжкам, били друг друга по спине. Они чуть не складывались пополам. Они потешались и издевались над ним. Половины их жестов он не понимал, но и остальных было довольно, чтобы похолодеть от ужаса.

Он осторожно поднялся и оцупал себя. Нет слов, потрепали его основательно. Понаставили шишек, изорвали одежду. Но главное—он, кажется, избежал переломов. Прихрамывая, Харт попробовал сделать шаг, другой. Потом попытался пуститься бегом и, к собственному удивлению, обнаружил, что может бежать.

За его спиной кафиане все еще гоготали. Но кто возьмется предугадать, когда происшедшее перестанет казаться им просто смешным и они помчатся вдогонку, возжаждав крови?

Пробежав немного, он нырнул в переулок, который вывел его на незнакомую площадь причудливой формы. Он пересек эту площадь и, не переводя дыхания, юркнул в другой проулок—по-прежнему бегом. В конце концов он поверил, что оказался в безопасности, и в очередном переулке присел на ступеньки, чтобы слегка отдышаться и обдумать свое положение.

Положение его—в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось—было хуже некуда. Он не только не заполучил нужного героя, но и потерял камеру. Подвергся при этом тяжким унижениям и едва не расстался с жизнью.

И он был бессилен что-либо изменить. «В сущности,—сказал он себе,—мне еще крупно повезло. С юридической точки зрения у меня нет ни малейшего оправдания. Я сам кругом виноват. Снимать героя без разрешения его прототипа—значит грубо нарушить закон...»

А с другой стороны—какой же он преступник? Разве у него было сознательное намерение нарушить закон? Его к этому вынудили. Каждый, кого удалось бы уговорить позировать в качестве героя, потребовал бы заплатить за труды—заплатить куда больше, чем Харт был в состоянии наскрести!

И ведь он по-прежнему нуждался, отчаянно нуждался в герое! Или он найдет героя, или потерпит окончательный крах.

Он заметил, что солнце село и город погружается в сумерки.

«Вот и день прошел,—мелькнула мысль.—Прошел впустую, и некого винить, кроме себя самого».

Шагавший мимо полицейский приостановился и заглянул в переулок.

— Эй, ты,—обратился он к Харту,—ты чего здесь расселся?

— Отдыхаю,—ответил Харт.

— Прекрасно. Посидел, отдохнул. А теперь шагай дальше.

Пришлось встать и идти дальше.

Продолжение следует.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

НАШ ЛЕТНИЙ КОНКУРС

«Смена» объявляет свой летний шахматный конкурс и выражает надежду, что читатели нашего журнала примут активное участие в этом интересном заочном соревновании.

Содержанием конкурса является решение шахматных этюдов и задач, а также разбор позиций из шахматной практики, которые будут опубликованы в виде трех заданий в июле—августе этого года.

За каждый правильный ответ жюри присудит от 4 до 7 очков. Такую же оценку можно получить при нахождении побочного решения, нерешаемости и т. п. Участники, набравшие наибольшую сумму очков—50, будут признаны победителями конкурса. Редакция вышлет им памятные дипломы «Смены» и справки о присвоении второго разряда по шахматам. Тот, кто впишет в свой актив 36 очков, станет шахматистом третьего, а 18 очков—четвертого разряда.

Ответы на каждое задание конкурса нужно присылать в адрес редакции «Смены» в установленные сроки, пользуясь обыкновенными почтовыми открытками. Решения должны состоять только из основных вариантов, приведенных в сокращенной шахматной нотации, без каких-либо словесных комментариев. В своей первой открытке аккуратно напишите: на ее лицевой стороне—вверху пометку «Летний шахматный конкурс», затем наш адрес, а внизу ваш точный домашний адрес, фамилию, имя и отчество; на обороте—сведения о месте работы или учебы, возрасте и разряде по шахматам (если вы его имеете), а также ответы на первое задание.

Материал об итогах конкурса с правильными ответами на все задания и фамилиями отличившихся читателей мы опубликуем по окончании работы жюри.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Белые начинают и дают мат в два хода. (4 очка).

Белые начинают и дают мат в три хода. (4 очка).

Черные начинают и выигрывают (5 очков).

Заломните, пожалуйста, что открытки с ответами на первое задание мы просим вас послать в «Смену» не позднее 10 августа 1977 года (по почтовому штемпелю).

СИЛЬНЕЙШИЕ ИЗ ЮНЫХ

Весьма интересным оказался проведенный в Ленинграде отборочный турнир к юношеским первенствам мира. В отличие от прошлых лет в сентябре нынешнего года таких чемпионатов будет два: в Австрии—для юношей до двадцати лет и во Франции—для тех, кто не старше семнадцати. Победу на турнире в Ленинграде одержал 17-летний москвич, выпускник средней школы Артур Юсупов. У него 7 очков из 12 возможных. Всего на пол-очка от него отстал второй призер—14-летний бакинцем Гарик Каспаров. Оба—воспитанники прославленной шахматной школы Михаила Ботвинника. По-видимому, Юсупов поедет играть на первенство мира среди юношей в Австрию, а Каспаров—во Францию.

О том, как талантливо они играют, можно судить по фрагментам из партий минувшего ленинградского турнира, которые мы ниже приводим.

Такое положение возникло после 31-го хода черных в поединке

Юсупова (у него были белые) с бакинцем Эльмаром Магеррамовым. Красивой жертвой коня белые вскрывают вертикаль для атаки на королевском фланге.

32. Kg4:f6! g7:f6 33. Фf3—g4 Kf8—g6 34. f5:g6 Фc6—d7 35. Фg4—f3 Фd7—e6 36. Kd6—f7+ Лe7:h7 37. g6:f7 Фe6:f7 38. h4—h5 b4—b3 39. h5—h6 a5—a4 40. Лg3—g7 Фf7—e6 41. Фf3—g3! и черные сдались.

К этой позиции борьба свелась после 32-го хода черных в партии Каспарова, игравшего белыми против латвийского школьника Зигурда Ланки. Концовка, в которой белые с завидной находчивостью проводят победную наступательную операцию, оставляет хорошее впечатление.

33. Cd2—c1! Лb2—b7 34. Se4:h7+ Kpg8—f8 35. g4—g5! e5—e4 36. Фd3:e4 Лb7—e7 37. Фe4—f5 h5—h4+ 38. Лh1:h4 Лe7—e1 39. Лh4—e4! Cg7—e5+ 40. Cc1—f4, и черные были вынуждены пойти на капитуляцию.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 6/VI 1977 г. А 09245. Подписано к печати 20/VI 1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 1504. Заказ № 672. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Вдали шумит прибой.
Сердце там твое.
Приходит грусть порой,
когда не ждешь ее.
И ты спешишь со мной
к морю красоты,
где чайки над волной —
как белые цветы.

Припев:
Опять я вижу белых чаек над водой.
В их светлом танце — мы с тобой.
Опять я вижу, как легко они кружат.
Взгляни — над морем снегопад.

А может, это сон,
может, снится мне
и нежный шепот волн
и песня в тишине.
Но сквозь морской прибой
чайки вновь слышны.
Я знаю, нам с тобой
завидуют они.

Припев.

А если грянет шторм
и придет беда,
то каждый добрый дом
открыт для них всегда.
Я снова буду рад
шелесту весны.
И чайки к нам летят,
счастливые, как мы.

Припев.

Слова Андрея ДЕМЕТЬЕВА
Музыка Евгения МАРТЫНОВА

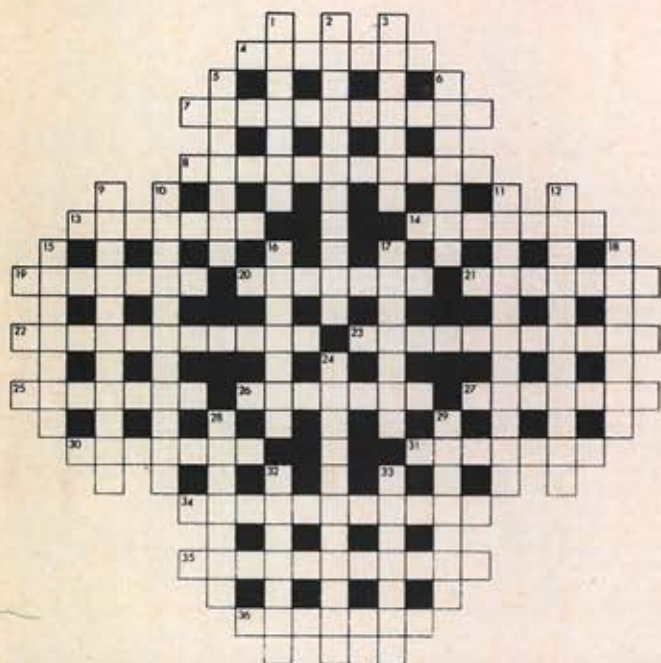
УМЕРЕННО.

The musical score is written for voice and piano. It consists of three systems of staves. The first system contains the main melody and piano accompaniment. The second system continues the melody and includes the lyrics: 'В ДАЛИ ШУМИТ ПРИБОЙ. СЕРДЦЕ ТАМ ТВОЕ. ПРИХОДИТ ГРУСТЬ ПОРОЙ, КОГДА НЕ ЖДЕШЬ ЕЕ. И ТЫ СПЕШИШЬ СО МНОЙ К МОРЮ КРАСОТЫ, ГДЕ ЧАЙКИ НАД ВОЛНОЙ — КАК БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ.' The third system contains the chorus and includes the lyrics: 'ОПЯТЬ Я ВИЖУ БЕЛЫХ ЧАЕК НАД ВОДОЙ. В ИХ СВЕТОМ ТАНЦЕ — МЫ С ТОБОЙ. ОПЯТЬ Я ВИЖУ, КАК ЛЕГКО ОНИ КРУЖАТ. ВЗГЛЯНИ — НАД МОРЕМ СНЕГОПАД.' The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like 'p' and 'f'.

ЧАЙКИ НАД ВОДОЙ

КРОССВОРД

Составил В. ВАВИЛОВ,
Магнитогорск

По горизонтали:

4. Певец, один из первых народных артистов республики. 7. Перелетная птица с пестрым оперением. 8. Цветок. 13. Дикая ягода. 14. Древнегреческий философ, математик. 19. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 20. Небольшая птичка, обитающая в лесах Америки. 21. Спортивная игра с мячом. 22. Устройство для хранения продуктов. 23. Медицинское учреждение. 25. Условная линия на поверхности земного шара. 26. Народный танец. 27. Аппарат для снятия копий с текстов, схем. 30. Одно из Великих озер в Америке. 31. Город в Краснодарском крае. 34. Пристань на реке Белой в Башкирии. 35. Минерал, драгоценный камень. 36. Льняная, хлопчатобумажная ткань.

По вертикали:

1. Пушной зверек. 2. Способ заготовки сочных кормов. 3. Песня В. Соловьева-Седого. 5. Представительница коренного населения союзной советской республики. 6. Радиоактивный элемент. 9. Обработка вспаханной земли. 10. Гриб. 11. Специальное помещение для научных исследований. 12. Город в Московской области. 15. Южный знойный ветер. 16. Основоложник армянской многоголосной музыки. 17. Медный духовой инструмент. 18. Машинная смазка. 24. Вещество, изменяющее скорость химической реакции. 28. Трехсложная стопа в стихосложении. 29. Минерал, используемый для поделок. 32. Советская хоккейная команда. 33. Ценная промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

4. Шолохов. 7. Калейдоскоп. 10. «Марс». 11. Ирис. 13. Елец. 15. Маяк. 17. Слиток. 18. Артист. 19. Косинус. 20. «Гармонь». 21. Анероид. 22. Серозем. 23. Белово. 25. Тунгир. 26. Сера. 28. Рагу. 30. Лист. 32. Рыда. 33. «Комсомольск». 34. Анапест.

По вертикали:

1. Пловдив. 2. Полесье. 3. Корсика. 5. Парсек. 6. Логика. 8. Гастрономия. 9. Лиственница. 12. Кларнет. 14. Цесарка. 15. Манизуемый для поделок. 16. Эстония. 24. Остров. 25. Турист. 27. Россия. 29. Аральск. 31. Самопал.

Молодой московский скульптор Михаил Переяславец в прошлом году был удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола за работы «Мой современник», «Победитель», «Молодой строитель». Уже по названиям скульптур можно определить творческие привязанности художника: это образы современников, сверстников, чей созидательный труд служит на благо народа, во славу Родины.

Путь к творчеству у Михаила Переяславца не был прямым и легким. Родившись в семье художников, он не очень интересовался живописью и, как сам вспоминает, делал все, чтобы не рисовать. Увлечение изобразительным искусством пришло позже, и в последний школьный год Миша твердо решил: он станет художником. Однако чтобы осуществить свое желание, ему пришлось проявить незаурядное упорство и силу воли. В Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова он поступил с третьего «захода», а сначала был в институте подсобным рабочим, много рисовал и все свободное время проводил в мастерской, где «колдовали» студенты-скульпторы под руководством М. Ф. Бабурина. Удивительное искусство — оживить камень, заставить его скорбеть, ликовать, думать — захватило молодого художника. В студенческие годы он самозабвенно и упорно работает, ведет кружок юных художников в одном из жезков Свердловского района Москвы, ездит по стране. Побывав в Самарканде, Бухаре, Хиве — городах, где сохранилось

ОДУХОТВОРЕННЫЙ КАМЕНЬ

БРИГАДИР.

ПОЛЬСКИЙ ЛЕТЧИК ЕЖИ ШТРАНЕК.

много памятников древнего искусства, Михаил Переяславец еще раз убеждается в том, что его особая любовь — люди XX века, труженики сегодняшних дней.

На молодежной выставке 1972 года появляется «Звенк с рыбой», отмеченный премией Московского горкома комсомола. С этого года начинается для Переяславца жизнь, насыщенная поисками и трудом, расширяется диапазон тем. Работы «Виолончелистка», «Рыбак», «Мальчик на коротках», «Спящий мальчик», «Поющие дети», «Боцман Полулянов», «Борцы» были представлены на выставках самых различных рангов. Молодого мастера особенно привлекает мир детства. Его скульптуры, посвященные детям, отличаются необыкновенной мягкостью, редким пониманием внутреннего мира ребенка. Замечательна в этом смысле скульптурная группа «Поющие дети», в которой привлекают образы детей, исполняющих песню с самозабвением, страстностью, безграничной искренностью...

Сейчас Михаил Переяславец работает в студии военных художников имени М. Г. Грекова, недавно по приглашению Политуправления Польской Народной Армии побывал в братской стране и сделал портрет молодого летчика, уже выставившийся в зале на Кузнецком мосту.

Работы последних лет показали, что Михаилу Переяславцу, скульптору глубокому, вдумчивому и строгому к своему творчеству, по плечу самые серьезные темы.

Валентина МИХАЙЛОВА

ЗВЕНК С РЫБОЙ.

ПОЮЩИЕ ДЕТИ.

